

БОЛГАРСКИЕ ВОЗВРАТНЫЕ КЛИТИКИ *СЕ* И *СИ*: ОМОНИМИЯ, ПОЛИСЕМИЯ, СИНТАКСИС*

© 2017

Елена Юрьевна Иванова^{а, @},
Галина Михайлова Петрова^б

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; ^б Университет им. проф. д-ра Асена Златарова, Бургас, 8010, Болгария;

[@] e.y.ivanova@spbu.ru

Болгарские клитики *се* и *си* отличаются высокой полифункциональностью, обусловленной их различным морфологическим статусом и сочетаемостным потенциалом. Они могут выступать как местоимения, как частицы — словообразовательные и формообразующие, а клитика *си* — еще и как модальная и интенсифицирующая частица. В большинстве своих функций *се* и *си* характеризуются определенной линейно-синтагматической свободой: они (слабо) отделимы и способны к кластеризации в цепочке предикатных клитик. Это является существенным фактором для появления неоднозначных высказываний. В статье предлагается обзор всех функций болгарских клитик *се* и *си* и демонстрируются условия для возникновения неоднозначного прочтения с учетом как предикатно-аргументной структуры высказывания, так и внутрикластерной комбинаторики рассматриваемых клитик.

Ключевые слова: болгарский язык, возвратные местоимения, возвратные частицы, клитики, пассив, рефлексивность, реципрок, субъектный имперсонал

BULGARIAN REFLEXIVE CLITICS *SE* AND *SI*: HOMONYMY, POLYSEMY, SYNTAX

Elena Yu. Ivanova^{а, @}, Galina M. Petrova^б

^а Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; ^б Prof. Dr. Asen Zlatarov University, Burgas, 8010, Bulgaria; [@] e.y.ivanova@spbu.ru

Bulgarian clitics *se* and *si* are highly multifunctional due to their versatile morphological status and distributional properties. They may act either as pronouns, or as particles participating in word derivation or verbal form production; in addition, the clitic *si* can also function as a modal/intensifying particle. In most functions *se* and *si* have a certain freedom of linear positioning: they are (weakly) separable and disposed to clustering in a chain of clausal clitics. This is a significant contributory factor to the development of ambiguous sentences. The paper reviews all the functions of the Bulgarian clitics *se* and *si* and lays out the conditions of their ambiguity in terms of both predicate-argument structure and cluster combinatorics.

Keywords: Bulgarian, clitics, passive voice, reciprocity, reflexive particles, reflexive pronouns, reflexivity, subjective impersonal construction

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 14-04-00580 «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира», поддержанного РГНФ, и проекта «Българско-руски паралели в езиково-литературен и педагого-исторически контекст» Бургасского университета им. проф. д-ра А. Златарова (Бургас, Болгария). Мы признательны рецензентам журнала «Вопросы языкознания» за ценные и конструктивные критические замечания.

Введение

Возвратные элементы¹ в системе клитик болгарского языка

В болгарском языке в процессе его исторического развития оформилась стройная система клитик разного частеречного статуса (частицы, вспомогательные глаголы, местоимения). Большинство из них являются предикатными (сентенциальными) кластеризуемыми клитиками, и порядок их взаиморасположения в целом отражает диахронию присоединения элементов к цепочке и их таксономическую сгруппированность², см. таблицу на с. 76.

К предикатным клитикам относятся и краткие формы личных местоимений — винительного (*ме, те, го, я, ни, ви, ги*) и дательного (*ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им*) падежей, а также возвратные элементы *се* и *си*. Все они имеют и соответствующие полные формы (например, вин. *ме* — *мене, те* — *тебе, я* — *нея, го* — *него* и т. д.). Для возвратных клитик *се* и *си* полные местоименные формы в современном языке представлены составными образованиями, соответственно вин. падежа — *себе си*, дат. падежа — *на себе си*.

Помимо предикатных, в болгарском языке имеются и клитики уровня именной группы — краткие притяжательные местоимения, по происхождению связанные с краткими дательными формами личных местоимений. Последние еще в старославянском (в болгарской лингвистической традиции — «староболгарском») языке были способны выражать притяжательное отношение в результате постепенного расширения функций дательного падежа в приименной позиции. Полное становление системы кратких притяжательных местоимений в болгарском языке связывается с развитием артиклевых показателей: именная группа, оформленная определенным артиклем, стала выделяться как самостоятельное звено более отчетливо [Гълъбов 1986], что позволило кратким личным местоимениям получить место клитик уже не в рамках предложения, а в рамках именной группы. Иначе говоря, как выразился Л. Андрейчин, посессивность в истории болгарского дательного выделилась из других видов «заинтересованности», и ряд кратких дательных форм личных местоимений расщепился на два омонимичных ряда [Андрейчин 1958: 200; Минчева 1964; Станков 1982: 495—496].

Данная морфологическая трансформация в современном болгарском языке имеет результатом омонимию при клитиках дательной формы *ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им*, а также возвратном *си*: с одной стороны, это личные местоимения в синтаксической позиции косвенного дополнения (1), с другой — притяжательные местоимения в синтаксической позиции несогласованного определения (2):

- (1) а. Той **му** купи кола.
‘Он купил ему машину’.
- б. Той **си** купи кола.
‘Он купил себе машину’.
- (2) а. Продадох картината **му**.
‘Я продал его картину’.
- б. Продадох картината **си**.
‘Я продал свою картину’.

¹ Использование общего условного наименования «элемент» в данной работе связано с полифункциональным и полисемантическим характером данных клитик. В процессе дальнейшего анализа их статус будет конкретизироваться.

² Порядок клитик, как сейчас уже известно, обусловлен временной последовательностью их присоединения к цепочке (от более древних клитик, способных к кластеризации, к более молодым) [Зализняк 2008] и, если добавить выводы А. В. Циммерлинга [2013: 140—145, 469—471; Kosta, Zimmerling 2013], связан с таксономическим (категориальным) фактором, т. е. присоединение более поздних компонентов происходит не к одному — финальному — концу цепочки, но к группе морфологически единообразных энклитик.

В болгарском языке при определенных условиях допускается перемещение притяжательной клитики из именной группы в предикатную (подъем посессора, см. далее 2.1.3, 2.2.2), ср. перемещение для примеров (2’):

(2’) а. *Продадох [картината му] → а’. Продадох му [картината t].*

б. *Продадох [картината си] → б’. Продадох си [картината t].*

Подобное передвижение имеет своим следствием возможность двоякого толкования местоименной клитики в приглагольном употреблении, как, например, для (2а’): *Продадох му картината* ‘Я продал **ему** картину’ / ‘Я продал **его** картину’.

Перемещенное притяжательное местоимение включается в цепочку сенценциальных клитик, занимая свободную позицию клитики дательного падежа [Schürcks, Wunderlich 2003; Циммерлинг 2013: 324], что показано и в таблице ниже.

В ходе эволюции болгарского языка местоименные клитики претерпевают еще одну морфологическую трансформацию и начинают функционировать как частицы, причем с различными функциями. Этот процесс затрагивает прежде всего элементы *се* и *си* (и в значительно меньшей степени дативные формы 1-3 л. ед. ч. *ми*, *ти*, *му*). Основная часть этих частиц является кластеризуемыми клитиками. Кроме того, даже некоторые присловные частицы, оказываясь отделенными от опорного слова, тоже могут встраиваться в общую (сенценциальную) цепочку, что корректирует строгий порядок расположения клитик.

В результате исследования закономерностей кластеризации [Иванова, Петрова 2014] таблица рангов болгарских клитических элементов, показывающая не только место предикатных клитик, но и все возможные перемещения групповых и присловных клитик и их дистрибуцию в цепочке, предстает в следующем виде.

Таблица

**Расположение клитик в болгарском невопросительном предложении
с учетом включения в цепочку перемещенных клитик и их дистрибуции**

1	2	3	4	5	6
— частица буд. вр. <i>ще</i> — отриц. частица <i>не</i>	— глагольные энклитики наст. вр., кроме <i>е</i> : <i>съм, си,</i> <i>сме, сте, са</i>	— модальная частица (PCL-mod.) <i>си</i> — интенсиф. частица (PCL-intens.) <i>си</i>	— место- именные энклитики дат. пад. (DAT): <i>ми, ти, му,</i> <i>и, ни, ви,</i> <i>им</i> и воз- вратно- место- именное <i>си</i> — притяжат. (POSS) <i>ми,</i> <i>ти, му, и,</i> <i>ни, ви, им,</i> <i>си</i> — словообр. (PCL-deriv.) <i>си</i> — dativus ethicus (PCL-dat. eth.) <i>ми, ти</i>	— место- именные энклитики винит. пад. (ACC): <i>ме, те, го,</i> <i>я, ни, ви,</i> <i>ги</i> и воз- вратно- место- именное <i>се</i> — возвратная частица (PCL) <i>се</i>	— глагольная энклитика наст. вр. <i>е</i> (3SG)

Возможность включения в цепочку перемещенных клитик, как и полифункциональность *се* и *си*, значительно повышает частотность омонимии в болгарском предложении.

Важно отметить, что клитика *се*, независимо от того, функционирует ли она как личное местоимение, формообразующая или словообразовательная частица, всегда занимает в общей цепочке клитик строго определенное место — клетку винительного падежа (см. и раздел 1.4 ниже), в то время как место клитики *си* определяется ее функцией, а также рядом других факторов (см. раздел 2.2). Клитика *си* отличается от *се* и способностью неоднократно употребляться в предикатной цепочке.

Далее мы рассмотрим функции возвратных элементов *се* и *си*, затем — условия для неоднозначных интерпретаций и внутрикластерную комбинаторику клитик. Поскольку полифункциональность *се* ограничена только сферой приглагольных употреблений, а клитика *си* обладает более широким спектром функций, мы будем анализировать их по отдельности.

1. Клитика *се*: морфологическая омонимия и полифункциональность

1.1. Проблемы морфологического статуса болгарского *се*

Болгарская лингвистика располагает богатым исследовательским опытом в сфере изучения форм с возвратной клитикой *се*. Имеются два основных блока вопросов, по которым единое мнение отсутствует. Наиболее высокой дискуссионностью отличается проблема набора пассивных и активных залоговых форм, как и рефлексивно-реципрокальная полисемия и проблема «медия» (см. из более новых работ [Пенчев 1995; 1996; 1998; Цанков 1995; Коева 1995; 2004; 2006; Коева 1998; 2007; 2008; Наймушин 2001; Петрова 2008; Димитрова 2009; Ницолова 2011]). Мы не будем останавливаться на этой дискуссии, см. обзор в [Петрова 2008: 7—23]; наша точка зрения, опирающаяся в основном на концепции отечественных лингвистов, прежде всего [Плунгян 2011: 251—298] и работы Петербургской типологической школы по залогам и актантажной деривации [Генюшене, Недялков 1991; Храковский 1991; 2004 и др.], отражена в списке функций *се* ниже.

Второй блок вопросов, важный для темы данной статьи, касается морфологического статуса *се*; эта сложная проблема, связанная с клитическим характером³ *се*, нечасто затрагивается в работах по залогам и рефлексивности. При том, что у болгарского *се*, несомненно, главными являются формообразующая и словообразовательная функции, вопрос, есть ли (сохранилась ли) у болгарского *се* местоименная функция, остается непроясненным. Речь идет прежде всего о характере сочетания глагола и элемента *се* в употреблениях типа *Той се мие* ‘Он моется’; *Той се мрази* ‘Он ненавидит себя’. Отнесение таких образований к возвратным глаголам можно наблюдать во многих классических работах, например [Андрейчин 1978: 135], см. поддержку этого понимания в [Куцаров 1997: 63]. Р. Ницолова также полагает, что «синтаксическим» рефлексивом можно считать лишь случаи рефлексивности, выражаемой полным местоимением *себе си*, но не кратким *се*, которое является «семантически» рефлексивным, т. е. частью лексемы [Ницолова 2008: 160, 241—242].

Некоторые болгарские исследователи определяют возвратные образования типа *Той се мие* как глагольные формы в связи с выражением ими залоговых отношений. К. Иванова, например, относит их к «возвратному варианту действительного залога» [Грамматика 1983: 242—245], см. квалификацию их как глагольных форм и у Р. Влаховой-Руйковой [2009: 88]. В этих концепциях, следовательно, *се* считается элементом формы.

Между тем болгарские лингвисты, работающие в русле генеративного направления [Пенчев 1995: 404—405; Коева 2004: 192—194; Петрова 2008: 25—26], склонны определять рассматриваемые употребления как синтаксические конструкции, в которых участвуют

³ В «линейно-синтагматическом континууме» клитики занимают промежуточное положение между автономными словоформами и связанными морфемами [Плунгян 2000: 33].

переходные глаголы (*мия*, *мразя*) с местоименно выраженными дополнениями — невозвратными (*Мия го* ‘Я мою его’; *Мразя го* ‘Я ненавижу его’) или, как в примерах *Той се мие*, *Той се мрази*, — возвратными.

Действительно, возвратная клитика в ряде приглагольных употреблений ведет себя подобно другим личным местоимениям болгарского языка, у которых краткие формы противопоставлены полным, использующимся в условиях акцентного выделения или топикализации дополнения. Так, примеры (3) и (4) представляют употребление краткого личного местоимения *се* (3а), (4а) и полного местоимения *себе си* (3б), (4б) в тождественных ситуациях, различающихся в случаях (б) лишь акцентированностью дополнения *себе си* в условиях контраста:

- (3) а. *Уважавай се! Обичай се! Цени се!*
‘Уважай себя! Люби себя! Цени себя!’⁴
- б. *Обичай и уважавай себе си, за да те обичат и уважават останалите.*
‘Люби и уважай себя, чтобы тебя любили и уважали другие’.
- (4) а. *Виж се в огледалото!*
‘Посмотри на себя в зеркало!’
- б. *Виж себе си в огледалото, а после говори за мене.*
‘Посмотри на себя в зеркало, а потом говори обо мне’.

Резкая критика первых работ Й. Пенчева (и некоторых других славистов), в которых была предложена трактовка части употреблений *се* как аргументной клитики, содержится в известной книге Б. Ю. Нормана [1972: 100—104]. Ее автор полагает, что «возвратный элемент в современном болгарском языке выпадает из системы местоименных форм, все более определенно приобретая функции глагольной морфемы» [Норман 1972: 101]. В болгарском языке, как отмечается в работе, класс «собственно-возвратных глаголов» типа *виждам се* или *питам се* шире, чем в русском, но это не дает оснований говорить о местоименном характере *се* — элемента, который подвергся грамматикализации и лексикализации во всех славянских языках, в том числе и в болгарском. Основная его функция — интранзитивность, сигнализация непереходности [Там же]. «Местоименное происхождение возвратной морфемы составляет лишь “факт биографии” возвратных глаголов как формального класса слов» [Норман 2004: 397].

Аргументами против признания *се* кратким местоимением называются (в разных работах) и следующие языковые факты.

В образованиях типа *Мия се* замена форм *с се* на полное местоимение *себе си* часто выглядит искусственной или затруднена [Норман 1972: 94; Ницолова 2008: 160]: *Майката се мие*. — ?*Майката мие себе си* ‘Мать моет себя’; *Той се бръсне*. — ?*Той бръсне себе си* ‘Он бреет себя’. Однако такая затрудненность наблюдается, прежде всего, при глаголах «самообслуживания» [Генюшене, Недялков 1991: 256], где сомнительно утверждать полную однореферентность субъекта и объекта: в них представлены все же разные «объемы» или ипостаси одного лица, в результате чего рефлексивность этих глаголов плохо поддается описанию через синтаксическое местоимение. Тем более это касается «партиитивно-рефлексивных» образований типа *Той се бръсне* ‘Он бреется’.

В тех же случаях, когда агенс кореферентен пациенту в совокупности своих признаков (обычно «личностных»), такая замена легко осуществляется. Поэтому нельзя согласиться, что в болгарском языке взаимозамена полного возвратного местоимения и элемента *се* «в практическом контексте не имеет места» [Норман 1972: 95]. Она регулярна для тех глаголов, которые допускают полную кореферентность субъекта и объекта. Это в основном

⁴ Примеры, приводимые в данной работе, относятся к личному корпусу авторов и представляют современный литературный болгарский язык, включая его разговорную форму.

перцептивные предикаты, позволяющие выразить ситуацию перцептивного раздвоения (*Виждам се в огледалото* ‘Я вижу себя в зеркале’; *Чуваши ли се какво говориш?* ‘Ты [сам-то] себя слышишь, что ты говоришь?’), глаголы эмоционального отношения (*Ти ме мразиш. И аз се мразя* ‘Ты ненавидишь меня. И я себя ненавижу’) и другие предикаты, подразумевающие «личностную» кореференцию в ситуациях работы человека над самим собой, см. примеры распространенных советов, рекомендаций, тестов:

- (5) а. *Постави се на първо място, уважавай се!*
 ‘Поставь себя на первое место, уважай себя!’
 б. *Трябва да се изучаваши.*
 ‘Тебе нужно себя изучать’.
 в. *Готов ли си да се жертваши за другите?*
 ‘Ты готов жертвовать собой ради других?’

Поскольку возможности замены на полное местоимение различны для разных типов рефлексивов, можно предположить, что дискретный характер прямообъектного рефлексивного *се* в болгарском языке имеет вид шкалы, на одном конце которой находятся синтаксические конструкции с неклитическим (полным, «длинным», «тяжелым», см. [Князев 2007: 269]) показателем рефлексивности *себе си* и близкие к ним рефлексивные образования с *се*, при которых референт действительно предстает как расщепленный на две ипостаси, см. (3—5); далее располагаются менее очевидные по совпадению объемов референта рефлексивы «ухода за телом» [Kemmer 1993], см. и 1.2.1 ниже.

Как еще одно свидетельство «отхода» *се* от парадигмы кратких личных местоимений болгарского языка указывается невозможность местоименного удвоения клитики *се*, т. е. одновременного употребления полной и краткой формы, которое характерно для невозвратных местоимений, например *Аз го мия него* ‘Я мою его’ — **Аз се мия себе си* (примеры из [Ницолова 2008: 160]). Подобное удвоение, но с неместоименным дополнением, встречается и в тех случаях, когда требуется конкретизация референта [Пашов 1999: 331], см. (6). Такой контекст, однако, для клитики *се* невозможен в силу референциальной специфики возвратности:

- (6) а. *Аз ги пожертвах своите убеждения.*
 ‘Я [ими] пожертвовал своими убеждениями’.
 б. *Аз го познавам Иван.*
 ‘Я [с ним] знаком с Иваном’ → *Аз го познавам него.*

Местоименное удвоение, в котором могут участвовать и возвратные клитики, — это механизм другого типа, связанный с топикализацией дополнения: клитика (в аккумулятиве или дативе) удваивает дополнение (прямое или не прямое), маркируя топик. Эти конструкции обсуждаются как «левая дислокация с клитикой» (clitic left dislocation) [Иванов, Слабакова 2013; Арnaudова 2013]. Данные употребления (7) имеют специфическую дискурсивную функцию: референт дополнения уже упомянут, известен из контекста, и такое дополнение перемещается из канонической позиции после сказуемого в позицию перед ним, маркируя топик и удваиваясь клитикой, см. пример с личным местоимением:

- (7) а. *Винаги съм купувал подаръци на децата.*
 ‘Я всегда покупал подарки детям’.
 → *На децата винаги съм им купувал подаръци.*
 ‘Детям я всегда [им] покупал подарки’.
 б. *На тях винаги съм им купувал подаръци* (то же с местоименно выраженным топикализированным дополнением).
 ‘Им-то я всегда [им] покупал подарки’.

Хотя и реже, но в позиции топикиализированного дополнения может появиться и полная форма *себе си* с удваивающей ее рефлексивной клитикой, например:

- (7) в. *Тя себе си винаги се е подценявала.*
 ‘Себя она всегда [себя] недооценивала’.

Обратим внимание на то, что в македонском языке, где удвоение клитик грамматикализовано, т. е. реализуется вне зависимости от коммуникативного статуса дополнения [Мишеска Томиќ 2008: 14, 61—70], двойное местоименное употребление не ограничено левой дислокацией, и возвратные местоимения легко удваиваются во всех коммуникативных позициях (см. также [Митковска 2011: 36—39]):

- (8) МАКЕДОНСКИЙ
- а. *Тогаш одлучил да се жртвува себе си.*
 ‘Тогда он решил пожертвовать собой’.
- б. *Драга моја, сама себе си се осуди!*
 ‘Дорогая моя, ты сама себя осудила!’
- в. *Еве како себе си се лажеме на дваесет години.*
 ‘Вот как мы себя обманываем в двадцать лет’.
- г. *Богдановиќ призна дека себе си се наградил со плата од 2.000 евра, а својот заменик го наградил со 1.500 евра.*
 ‘Богданович признался, что себя наградил зарплатой в 2000 евро, а своего заместителя — в 1500 евро’.

Отметим еще одно доказательство возможности употребления *се* в качестве аргументного местоимения в болгарском языке: оно может контролировать предикативное определение. Если бы *се* выступало в данных контекстах в качестве частицы, предложения, подобные (9), не могли бы быть истолкованы как содержащие предикативное определение к дополнению:

- (9) а. *Харесваш⁵ ли се пийнал?*
 ‘Ты себе нравишься выпивший?’ (букв. ‘Ты любишь себя выпившего?’)
- б. *Мразя се такава.*
 ‘Я ненавижу себя такую/такой’.

Точно так же контролером предикативного определения могут быть краткие личные местоимения, с которыми оно согласуется в роде и числе:

- (10) а. *Харесваш ли го пийнал?*
 ‘Он тебе нравится выпивший?’ (букв. ‘Ты любишь его выпившего?’)
- б. *Харесваш ли я пийнала?*
- в. *Харесваш ли ги пийнали?*

Итак, мы полагаем обоснованным рассматривать возвратную клитику *се* как аргументное местоимение по крайней мере в ряде употреблений, где предполагается полная корелативность подлежащего и прямого дополнения и где *се* выступает как соотносительная форма для соответствующего полного местоимения.

Если клитика стоит в неаргументной позиции, с морфологической точки зрения это частица. Например, глагол *безпокоя се* ‘испытывать беспокойство, волнение, тревогу’ [БТР 2008], как и русск. *беспокоиться*, открывает позицию только для единственного

⁵ Глагол *харесвам* — лабильный [Летучий 2006: 29, 151], допускающий реализацию как переходный и непереходный. В нашем примере он выступает как переходный.

поясняющего его элемента — субъекта ощущения, проецируемого как внешний аргумент (экспериенцер) в позицию подлежащего: *безпокою се (някой)*. Здесь клитика является частью лексемы и функционирует как словообразовательная частица.

При употреблении типа *Болният не трябва да се безпокои (от никого)* ‘Больного нельзя беспокоить’, букв. ‘Больной не должен (никем) беспокоиваться’, налицо страдательный залог. Здесь глагол *безпокою (някой, някого)*, ср. русск. *беспокоить*, стоит в пассивной форме *безпокои се*. Отношение между *безпокои* — *безпокои се* не лексическое, а грамматическое (диатезное), выраженное в изменении глагольной формы, что эксплицируется употреблением частицы *се*. Функция клитики — формообразующая.

Таким образом, *се* может быть аргументным местоимением, элементом формы (мы относим сюда пассив, субъектный имперсонал, реципрокальные трансформации и так называемые желательные конструкции) либо формантом словообразовательного уровня. Отношения между этими функциональными реализациями в случае неоднозначности мы рассматриваем как о м о н и м и ю. В то же время отношения между различными семантическими оттенками в рамках каждой из этих трех реализаций мы квалифицируем как проявление полисемии.

Прежде чем перейти к разбору примеров с неоднозначным употреблением, представим возможные функции *се* в общем перечне.

1.2. Функции элемента *се*

1.2.1. *Се* как показатель синтаксической рефлексивности (аргументное *се*)

При прямообъектном рефлексиве (подлежащее кореферентно прямому дополнению) *се* может иметь как чисто рефлексивное значение (идентичность референтов актантов полная, 11а—б), так и партитивно-рефлексивное (11в—г):

- (11) а. *Иван се пита къде е сгрешил.*
 ‘Иван спрашивает себя, где он ошибся’.
- б. *Аз добре се познавам.*
 ‘Я хорошо себя знаю’.
- в. *Мария се гримира.*
 ‘Мария красится’.
- г. *Иван се бръсне.*
 ‘Иван бреется’.

Выше было обосновано решение, согласно которому лишь часть рефлексивных образований определяются нами как синтаксические конструкции, например (11а—б). В этих случаях клитика может быть заменена на полное возвратное местоимение *себе си* в тех же условиях, что и невозвратные личные местоимения, ср. такую замену во вторых репликах примеров (12):

- (12) а. *Обвиняваш се напразно. — Себе си обвинявам, не друг!*
 ‘Ты обвиняешь себя напразно. — Себя обвиняю, а не кого-то еще!’
- б. *Мразя се за тези думи. — Не себе си мразя, а мразя грешките си.*
 ‘Ненавижу себя за эти слова. — Не себя надо ненавидеть, а свои ошибки’.

1.2.2. *Се* как формообразующая частица

1.2.2.1. Пассивные формы глагола образуются с участием показателя *се*, выполняющего роль формообразующей частицы. Глагол стоит в форме 3 л.

Полный пассив (понижение коммуникативного ранга агенса; присвоение статуса подлежащего другому участнику):

- (13) а. *Ректорът се избира от Общото събрание на университета.*
'Ректор выбирается общим собранием университета'.
б. *Тези две магистрали се строят от българска фирма.*
'Эти две магистрали строятся болгарской фирмой'.

Безагенсный пассив (пассивные конструкции с неэксплицированным агенсом):

- (14) а. *Книгата се продаде много бързо.*
букв. 'Книга продавалась очень быстро'.
б. *Статиите трябва да се редактират.*
'Эти статьи нужно отредактировать' (букв. 'должны отредактироваться').

В рамках пассива, обычно безагенсного, отметим и значение так называемого хаби-туального пассива, который «обозначает регулярно повторяющуюся ситуацию или постоянное положение дел» [Летучий 2014а]. Хаби-туальный пассив часто используется и в инструкциях (примеры 15г—д):

- (15) а. *Ректорът се избира за 4 години.*
'Ректор выбирается на 4 года'.
б. *Преди Коледа се украсява елхата.*
'На Рождество украшают елку' (букв. 'украшается елка').
в. *Пенсиите се изплащат по график.*
'Пенсии выплачиваются по графику'.
г. *Белтъците се разбиват на сняг.*
'Белки взбивают в пену'.
д. *Месото се реже на малки парчета и след това се задушава.*
'Мясо режется на маленькие кусочки и после этого тушится'.

Модальное значение пассивных конструкций связано с рядом семантических вариантов внешней и внутренней необходимости и возможности [Плунгян 2011: 427—428], например необходимость (16а—б), невозможность (16в—г), запрет или (реже) разрешение (16д—ж), возможность (16з), внутренняя возможность (внутренне присущая не-/способность; пассивно-качественное значение, 16и—к):

- (16) а. *Документите се изпращат по електронен път.*
'Документы высылаются (должны высылаться) в электронном виде'.
б. *Молбата се предава лично в деловодството.*
'Ходатайство подается в канцелярию лично'.
в. *Ключът не се превърта: бравата е блокирала.*
'Ключ не проворачивается: замок заело'.
г. *Болтът не се отвива.*
'Болт не отвинчивается' ('невозможно отвинтить').
д. *Водата не се пие.*
'Воду нельзя пить'/'Воду пить не разрешается' (букв. 'Вода не пьется').
е. *В този музей не се правят снимки.*
'В этом музее фотографии делать не разрешено'.

- ж. *Тук се паркират само служебни автомобили.*
букв. 'Здесь паркуются (разрешено парковать) только служебные машины'.
- з. *Истината се установява само в дискусиата.*
'Истина устанавливается (может быть установлена) только в дискуссии'.
- и. *Леглото се сгъва.*
'Кровать складывается' ('может быть сложена').
- к. *Среброто се обработва лесно.*
'Серебро легко обрабатывается'.

Весь перечисленный выше набор модальных значений, помимо последнего (внутренняя присущность), имеет и болгарский субъектный имперсонал, см. примеры (17) далее.

1.2.2.2. Имперсональные формы глагола (результат интерпретирующей деривации, связанной с выражением неопределенности актанта [Плунгян 2011: 293]) включают возвратный компонент *се* в качестве формообразующей частицы. Для болгарского языка здесь наиболее значим **субъектный имперсонал** [Генюшене, Недялков 1991: 270—271; Плунгян 2011: 294—296], при котором глагольная словоформа в 3 л. ед. ч. с клитикой *се* систематически маркирует наличие неопределенного (генерализованного, неопределенно-множественного либо — реже — предполагаемого, но незначимого) субъекта. Такие конструкции широко распространены в болгарском языке, см. подробную их характеристику с русскими параллелями в [Градинарова 2007; Иванова, Градинарова 2015: 424—434].

Субъектный имперсонал часто используется в хабитуальном (17а—б) или модальном (17в—е) значениях. Актуальное толкование представлено в (17ж—з):

- (17) а. *През лятото се ходи на море.*
'Летом обычно едут на море' (букв. 'Летом едется на море').
- б. *На тези години вече се пълнее* (Г. Караславов, пример из [Наймушин 2001]).
'В эти годы обычно уже полнеют' (букв. 'полнеется').
- в. *Пред гараж не се паркира.*
'Перед гаражом парковаться не разрешается' (букв. 'Перед гаражом не паркуется').
- г. *На изпит се влиза без джисеми.*
'На экзамен положено заходить без мобильных'.
- д. *Тук не се влиза без придружител.*
'Сюда нельзя входить без сопровождающего'.
- е. *Извинете, тук пуши ли се?*
'Извините, здесь можно/разрешается курить?' (букв. '...здесь курится?')
- ж. *На вратата се звъни.*
'В дверь звонят' / 'Кто-то звонит в дверь'.
- з. *На улицата се стреля.*
'На улице стреляют'.

1.2.2.3. Конструкции с формами реципрока. В конструкциях с взаимовозвратным значением симметричные отношения оформляются с помощью добавления клитики *се* к переходным глаголам, допускающим выражение взаимной транзитивности. К реципрокальным конструкциям с *се* мы относим такие, где разрешены только формы мн. ч. глагола. Клитика маркирует «перекрестную референцию» [Недялков 2004: 319]:

- (18) *Иван и Мария се обичат.*
'Иван и Мария любят друг друга' (ср. *Иван обича Мария* и *Мария обича Иван* при **Иван се обича с Мария*).

Возможно добавление лексического реципрокального выражения *един друг* ‘друг друга’ или *взаимно*. Таким образом, в болгарском языке допускается факультативное плеонастическое выражение реципрока (см. об этом в типологическом аспекте [Недялков 2004: 317—318, 358]), которое обычно применяется лишь с целью снятия реципрокально-рефлексивной полисемии:

- (19) *Не трябва да се обвинявате един друг за случилото се, защото и двамата сте виновни.*

‘Вы не должны обвинять друг друга в случившемся, потому что вы оба виноваты’.

Невозможность употребления глагола в форме ед. ч. отличает реципрокальные конструкции от глаголов с реципрокальным значением, см. и отделение С. Коевой реципрокальных трансформаций от постоянно реципрокальных глаголов [Коева 2004: 195—196], ср. ее же примеры:

- (20) а. *Иван и Петър се изслушват (един друг).*

‘Иван и Петр выслушивают друг друга’ (реципрокальная трансформация глагола *изслушвам* ‘выслушивать’). — **Иван се изслушва с Петър.*

- б. *Иван и Мария се ръкуваха.*

‘Иван и Мария поздоровались за руку’ (содержит реципрокальный глагол *ръкувам се* ‘(по)здороваться за руку’). — *Иван се ръкува с Мария. Мария се ръкува с Иван.*

1.2.2.4. Се в желательных конструкциях. «Желательные», «оптативные» конструкции [Пенчев 2001: 89; Коева 2004: 200—206; Петрова 2006: 135—141, 154—156; Димитрова 2015], ср. и термин «аффективный имперсонал», применяемый к этим построениям в [Градинарова 2007: 48], образуются с участием клитики *се* как формообразующей частицы. Обязательным элементом конструкции является краткое дательное местоимение, указывающее на носителя состояния:

- (21) а. *Пътува ми се.*

‘Меня тянет путешествовать’, букв. ‘Мне путешествуется’.

- б. *Прибираше му се вече.*

‘Ему уже хотелось возвращаться домой’, букв. ‘Ему уже возвращалось домой’.

Рефлексивные конструкции с дательным субъекта, указывающие на «внутреннюю предрасположенность к действию», «успешность совершения действия» [Булыгина, Шмелев 1997: 106—107], имеются и в русском языке: *Мне не читалось; В такой духоте мне не работается; Здесь ему всегда хорошо писалось*. Они считаются результатом деагентивации, хотя этот результат, как известно, трактуется по-разному, см. и обсуждение их грамматического статуса в [Летучий 2014б: 367—371]. Основные отличия (как грамматические, так и семантические) болгарской желательной конструкции от русской модели описаны в работах [Норман 1972: 77—80; Георгиев 1990: 82; Ivanova 2014; Иванова, Градинарова 2015: 187—189 и др.]. Здесь отметим лишь основное смысловое отличие, состоящее в том, что в толкование русской модели в качестве пресуппозиции включен компонент *X делает P* [Апресян 2005: 10], т. е. в русском языке состояние субъекта, описываемое данной конструкцией, связано с не-/успешностью уже протекающего процесса (иное реже), а в болгарском языке состояние X-а определяется не-/настроенностью на предстоящее действие либо на продолжение текущего действия.

Болгарская конструкция, в отличие от русской, способна эксплицировать объект желаемого действия при переходных глаголах, продвигая его в позицию подлежащего, ср. (22а) и (22б):

- (22) а. *Не ми се чете, играе ми се.*

‘Мне не хочется читать, хочется играть’, букв. ‘Мне не читается, мне играется’.

6. *Не ми се чете фантастика.*

‘Мне не хочется читать фантастику’, букв. ‘Мне не читается фантастика’.

Синтаксический статус этого актанта как подлежащего проявляется в согласовании со сказуемым в числе, что демонстрируют примеры (23а—д), в том числе при сочиненной группе (23б). В данной синтаксической позиции может быть употреблена группа с противопоставительными отношениями (23в). Элемент в позиции подлежащего может иметь различные показатели определенности (23г). Пример (23д) демонстрирует употребление (в целом редкое для этой конструкции) личного местоимения, маркированного именительным падежом.

(23) а. *Яде (3SG) ми се ябълка. — Ядат (3PL) ми се ябълки.*

букв. ‘Мне естся яблоко. — Мне едятся яблоки’.

б. *Слуша (3SG) ми се Моцарт. — Слушат (3PL) ми се Моцарт и Бетовен.*

‘Мне хочется послушать Моцарта. — Мне хочется послушать Моцарта и Бетховена’.

в. *Пие (3SG) ми се кафе, а не чай.*

‘Мне хочется выпить кофе, а не чай’.

г. *Не ми се слушат (3PL) клюките на съседката; Не му се четат (3PL) новите ти статии; Не му се чете (3SG) този дълъг доклад.*

‘Мне не хочется слушать сплетни соседки; Ему не хочется читать твои новые статьи; Ему не хочется читать этот длинный доклад’.

д. *Ако започна да ям плодове, накрая и те не ми се ядат.*

‘Если я начну есть только фрукты, то потом и их мне не хочется’, букв. ‘...в конце концов и они мне не едятся’.

Желательные конструкции рассматриваются в болгаристике либо как результат диатезной трансформации исходного глагола (например, [Пенчев 2001: 86—89; Коева 2004: 200—202]: *Ям* ‘Я ем’ → *Яде ми се*/*Яде ми се нещо* ‘Мне хочется есть’/‘Мне хочется что-нибудь поесть’, букв. ‘Мне естся’/‘Мне естся что-нибудь’), либо выводятся из предикатно-аргументной структуры с глаголом желания и эксплицированным объектом желания, как в [Петрова 2006], где выстраивается цепочка трансформаций с преобразованием личного глагола желания *искам* в безличный и последующим его опущением: *Аз искам да ям шоколад* ‘Я хочу есть шоколад’ → *Иска ми се да ям шоколад* ‘Мне хочется есть шоколад’ → *Яде ми се шоколад* ‘Мне хочется шоколада’, букв. ‘Мне естся шоколад’. Бесподлежащие конструкции трактуются как конструкции с невыраженным объектом желания: *Яде ми се (нещо)* ‘Мне хочется поесть (что-нибудь)’, букв. ‘Мне естся (что-нибудь)’; *Не ми се яде (нищо)* ‘Мне не хочется есть (ничего)’. В статье [Димитрова 2015] желательные конструкции также выводятся из полипредикативных структур.

Важным вопросом является определение конструкций типа *Яде ми се шоколад*; *Ядат ми се бонбони* (букв. ‘Мне естся шоколад’/‘Мне едятся конфеты’) как пассивных. Хотя такая трактовка превалирует в современной болгаристике, мы считаем, что этот вопрос еще подлежит обсуждению. Пассивная интерпретация исключена при выводимости желательной конструкции из предикации с желательным глаголом (см. упомянутую выше позицию Г. Петровой), поскольку в исходной структуре присутствует не агенс, а экспириенцер. Однако и при выводимости из исходной структуры агентивного типа желательная конструкция также не разделяет всех условий образования пассивных трансформаций. Так, глаголы, отбираемые в данную форму, могут быть и непереходными, в том числе и рефлексивными (24в):

(24) а. *Не ми се става.*

‘Мне не хочется вставать’, букв. ‘Мне не встается’ ← *Аз ставам* ‘Я встаю’.

б. *Ходи ми се на ресторант.*

букв. 'Мне ходится в ресторан' ← (*Аз*) *Ходя на ресторан* 'Я хожу в ресторан'.

в. *Не ми се връща вкъщи.*

букв. 'Мне не возвращается домой' ← *Връщам се вкъщи* 'Я возвращаюсь домой'.

Желательные конструкции не имеют и соотносимых причастно-пассивных форм с аналогичным значением. И, наконец, если мы предполагаем, что в исходной структуре в позиции подлежащего был агенс, он при образовании желательной конструкции получает значение экспериенциального участника, а сама ситуация представлена как возникающая непреднамеренно, что не соответствует пассивной трактовке: «залоговые преобразования изменяют прагматическую интерпретацию ситуации, но никогда не затрагивают ее собственно семантическую интерпретацию» [Плунгян 2011: 277]. Таким образом, желательную конструкцию возможно рассматривать как имперсональную, при этом в случае переходных глаголов исходная структура будет трактоваться как содержащая абсолютивное употребление глагола (*ям, пия, чета*) с возможным эксплицированием внутреннего объекта, как, например, в (22а—б).

1.2.3. *Се* как словообразовательный формант

Се выступает как словообразовательный элемент в разных типах «медиальных», «средних» глаголов. Так, клитика входит в состав лексем:

- с рефлексивным значением (глаголы с «семантической» возвратностью), в которых рефлексивность выражается лексически, например *самоубивам се* ('кончать жизнь самоубийством', букв. 'самоубиваться'), *самообслужвам се* (букв. 'самообслуживаться') и др.;
- с декаузативным значением: *Клонът се счупи* 'Ветка сломалась'; *Петър се обиди* 'Петр обиделся'⁶;
- с автокаузативным значением: *Тя се надигна* 'Она приподнялась'; *Иван се скри в един вход* 'Иван спрятался в каком-то подъезде';
- в рефлексивно-каузативном значении: *Той се лекува при добър лекар* 'Он лечится у хорошего врача';
- с рефлексивно-бенефактивным значением: *Иван се запасява с дърва* 'Иван запасается дровами';
- с объектно-рефлексивным значением: *Той се бута* 'Он толкается';
- с реципрокальным значением; при этом оно может вводиться частицей *се* (*целувам се* 'целоваться', *прегръщам се* 'обниматься') либо является семантическим компонентом лексемы, в том числе в случаях, когда глагол без *се* не употребляется: *ръкувам се* '(по)здороваться за руку', *състезавам се* 'соревноваться', *сбогувам се* '(по)прощаться'. Эти глаголы, как правило, в отличие от реципрокальных конструкций, имеют полную лично-числовую парадигму⁷.

Се может быть элементом глагола, не выражающего никаких из рассмотренных выше значений: *съгласявам се* 'соглашаться', *бунтувам се* 'бунтовать', *усмихвам се* 'улыбаться' и др.

⁶ Вслед за В. А. Плунгяном [2011: 284—285], мы относим к декаузативам и те случаи, где исходный пациенс каузированной ситуации — одушевленный, см., однако, аргументы в пользу признания таких употреблений «классическим диатетическим сдвигом» в [Падучева 2001: 72].

⁷ Глаголы с взаимным значением, как известно, имеют несколько разновидностей, см. обобщение на типологическом фоне [Недялков 2004], в славянских языках [Князев 2007: 321—368].

1.3. Интерпретация неоднозначных предложений

Интерпретация неоднозначных предложений основывается на разграничении между омонимичными употреблением глагола с аргументным *се*, со словообразовательным *се* и формами с частицей *се*.

1.3.1. Неоднозначность при пассивном, местоименном и реципрокальном употреблении *се*

(25) *Жените трябва да се защитават при прояви на мъжка агресия.*

- i. 'Женщины должны защищать себя при проявлении мужской агрессии';
- ii. 'Женщины должны быть защищены при проявлении мужской агрессии';
- iii. 'Женщины должны защищать друг друга при проявлении мужской агрессии'.

Предложение в примере (25) способно иметь три трактовки. При всех интерпретациях в исходной структуре имеется глагол *защитавам* со значением 'заступаться за кого-л. или что-л., отстаивать чьи-л. права' [БТР 2008]. Данный переходный глагол требует двух поясняющих его элементов: *защитавам* (някой, някого/нещо). При кореферентности субъекта и объекта объектную позицию занимает рефлексивное дополнение *се* (= себе си), как при первой трактовке (25i). При второй интерпретации (25ii) поверхностная структура является результатом пассивной трансформации. Здесь клитика представляет собой частицу с формообразующей функцией. Поскольку глагол допускает рефлексивное дополнение, возможно и взаимно-возвратное толкование (25iii). Роль клитики — формообразующая.

Смысловая неоднозначность здесь возникает, если существительное в позиции подлежащего характеризуется признаком [+лицо] как условием и для аргументного, и для пассивного толкования. Ср. иное, например, *Правата на жените трябва да се защитават* 'Права женщин должны быть защищены', где возможно только пассивное толкование.

Трактовка с реципрокальным значением (25iii) ограничена случаями, когда субъект множественный, в отличие, например, от предложения *Жената трябва да се защитава при прояви на мъжка агресия* 'Женщина должна защищать себя/должна быть защищена при проявлении мужской агрессии'.

1.3.2. Неоднозначность при местоименном и декаузативном употреблении *се*

(26) *Мъжът се е взривил на входа на автобуса.*

Предложение (26) двусмысленно: 'Мужчина взорвал себя при входе в автобус' и 'Мужчина взорвался при входе в автобус', — т. е. неясно, был ли взрыв преднамеренным или нет. Первая интерпретация предполагает, что в исходной структуре содержится глагол *взривявам* 'взрывать' — каузативный, переходный, открывающий две аргументные позиции, т. е. *взривявам* (някой, нещо/някого). Референциальная идентичность субъекта и объекта обозначается рефлексивным дополнением *се*. Клитика *се* здесь — возвратное личное местоимение. При втором толковании действие непреднамеренное, что исключает производителя действия в позиции подлежащего и обозначается глаголом *взривявам се* 'взрываться' (ср. *избухвам* [БТР 2008]), который открывает место лишь для одного участника, т. е. *взривявам се* (нещо/някой). Глагол непереходный, невозвратный по семантике, а клитика является частицей со словообразовательной функцией.

Условием для неоднозначного прочтения является существование двух исходных структур: с каузативным переходным глаголом в первой и с производным от него непереходным (медиальным) *се*-глаголом — в другой. Фактором для двусмысленного толкования является признак [+лицо] у элемента в позиции подлежащего. Ср. иное, например, в *Бомбата се е*

взривила ‘Бомба взорвалась’; *Котката се е отровила* ‘Кошка отравилась’, где содержатся только медиальные *се*-глаголы и понимание однозначно.

1.3.3. Неоднозначность при местоименном и рефлексивно-каузативном употреблении *се*

(27) *Разбра, че е болна, и сега се лекува.*

При первой трактовке ‘Она поняла, что больна, и сейчас лечится (сама)’ предполагается наличие в исходной структуре глагола *лекувам* (‘лечить’) ‘делать так, чтобы кто-л. выздоровел’ [БТР 2008]. Глагол каузативный, переходный, двухместный: *лекувам (някой, някого)*. Референциальная идентичность между субъектом и объектом эксплицируется употреблением рефлексивного дополнения *се*. Второе возможное понимание — рефлексивно-каузативное: ‘Она поняла, что больна, и сейчас лечится (у кого-то/в этой больнице)’. Здесь в исходной структуре предполагается медиальный глагол *лекувам се* в значении ‘подвергаться лечению, дать себя лечить’, т. е. *лекувам се (някой, при някого)*. В этом случае клитика имеет словообразовательную функцию.

Такая неоднозначность появляется при переходных каузативных глаголах, имеющих медиальное соответствие. При этом референт прямого дополнения в конструкции с исходным каузативным глаголом должен быть живым существом, способным направить действие на себя, что обусловит рефлексивную интерпретацию. Третья интерпретация — пассивная (‘Она лечится кем-л.’) — теоретически тоже возможна, но в данном контексте (при глаголах «получения услуги») она обычно вытесняется рефлексивно-каузативной трактовкой.

1.3.4. Неоднозначность при пассивном и декаузативном употреблении *се*

(28) *Пациентката не трябва да се безпокои.*

У предложения (28) возможны две трактовки: ‘Пациентку нельзя беспокоить’ или ‘Пациентка не должна испытывать чувство беспокойства’. При первой интерпретации перед нами пассивная трансформация исходной структуры с каузативным глаголом *безпокоя* ‘причинять кому-л. беспокойство, волнение, тревогу’ [БТР 2008]. Глагол двухместный переходный — *безпокоя (някой, някого)*. Роль внешнего аргумента — агенс, а внутреннего — пациенс: *Никой не трябва да безпокои пациентката* ‘Никто не должен беспокоить пациентку’ → *Пациентката не трябва да се безпокои от никого*, букв. ‘Пациентка не должна беспокоиться никем’. В данном случае это возвратный пассив, а клитика является частью пассивной формы глагола *безпокоя*. При второй интерпретации в исходной структуре имеется производный медиальный глагол *безпокоя се* со значением ‘испытывать беспокойство, волнение, тревогу’ [БТР 2008]. Глагол непереходный, одноместный, а роль аргумента в позиции подлежащего — экспериенцер, т. е. *безпокоя се (някой)*. Здесь клитика выступает в словообразовательной функции (декаузатив).

Омонимия между пассивными и медиальными образованиями возникает, когда у медиального глагола есть и соответствующий нерефлексивный каузатив, допускающий пассивную трансформацию, ср. иное в *Пациентката не трябва да се страхува* ‘Пациентка не должна бояться’ при отсутствии исходного каузативного глагола **страхувам*.

1.3.5. Неоднозначность при пассивных и желательных конструкциях

(29) *Нищо не ми се разказва.*

Для примера (29) возможны два толкования — ‘Мне ничего не рассказывают’, букв. ‘Мне ничего не рассказывается (ником)’, и ‘У меня нет желания рассказывать’. При первой интерпретации в исходной структуре имеется глагол *разказвам* со значением ‘излагать, описывать словами что-л. увиденное, услышанное, пережитое или выдуманное’ [БТР 2008]. Глагол открывает места для трех поясняющих элементов — адресант, адресат и содержание самого события, т. е. *разказвам* (някой, нещо, на някого). Поверхностная структура является результатом пассивной трансформации активного залога: *Никой нищо не ми разказва* ‘Никто ничего мне не рассказывает’ → *Нищо не ми се разказва от никого* ‘Ничто мне не рассказывается никем’. Перед нами, таким образом, пассивная форма глагола *разказвам*, а клитика имеет формообразующую функцию. Роль участника, эксплицированного дательным дополнением, — адресат. При второй интерпретации в исходной структуре также содержится глагол *разказвам*. При преобразовании в желательную конструкцию агенс трансформируется в экспериенцера, выраженного дативом, глагол получает форму 3 л. (см. и иной вариант пути преобразований в работе [Петрова 2006: 135—141]), а клитика *се* является обязательным элементом данной формы.

Условием для многозначности здесь является сказуемое, выраженное дитранзитивным глаголом, открывающим позицию для дательного дополнения с ролями адресата или бенефицианта.

Сходные условия выявляются при анализе двузначности **субъектно-имперсональных и желательных конструкций**, как в примере (30):

- (30) *Постоянно му се говори за Мария.*
 букв. ‘Ему постоянно говорится о Марии’;
 i. ‘Ему постоянно говорят о Марии’;
 ii. ‘Ему постоянно хочется говорить о Марии’.

1.3.6. Неоднозначность при модальном и немодальном употреблении пассивных и субъектно-имперсональных конструкций

- (31) а. *Тук не се спи.*
 б. *Тук не се пие алкохол.*

Каждое из представленных предложений допускает немодальную и модальную трактовку. В предложении (31а), букв. ‘Здесь не спится’, представлена конструкция субъектного имперсонала. Это предложение может означать ‘Здесь [в данный момент] не спят’ (например, *Виждам, че тук не се спи* — строгая реплика родителя, входящего в детскую спальню, где еще не заснули и шумят дети) или предполагать хабитуальную трактовку, как в следующем контексте: *В нощта срещу Коледа тук не се спи и се чакат коледарите* ‘В ночь на Рождество здесь не спят и ждут колядующих’.

Помимо того, (31а) может иметь две модальные трактовки — запрет ‘Здесь (например, в здании вокзала) не положено спать’ или отсутствие внешне обусловленной возможности ‘Здесь невозможно спать’, ср. контекст: *Тук, в този хотел до гарата, не се спи, много е шумно* ‘Здесь, в этой привокзальной гостинице, невозможно спать, очень шумно’.

В предложении (31б) представлена пассивная конструкция. Она может быть истолкована как ‘Здесь не пьют алкоголь’ (никто не употребляет вообще или компания не пьет в данный момент) или с модальным значением ‘Здесь не разрешено пить алкоголь’.

Как мы видим, многие употребления болгарской клитики *се* могут создавать высказывания с неоднозначной трактовкой. Во всех представленных выше предложениях намеренно предлагался узкий контекст, демонстрирующий наличие синтаксически одинаковых поверхностных структур, затрудняющих однозначное понимание. В более широком контексте и при выявлении синтаксической сочетаемости предиката, детерминированной его лексическими свойствами, двусмысленность обычно снимается. Неоднозначность разобранных

выше примеров тесно связана и с лично-числовой формой глагола: именно в 3 л. появляется возможность двойного прочтения, поскольку формообразующее *се* функционирует только или преимущественно с глагольными формами в 3 л. (см. о причинах ограниченности пассивной интерпретации в 1 и 2 л. в [Храковский 1991: 158; Пупынин 1991: 233—234]). Некоторые формы с *се* ограничены и по числу: реципрокальные *се*-конструкции требуют глагольной формы мн. ч., а субъектный имперсонал — ед. ч.

1.4. Синтаксис клитики *се*: правила кластеризации

Клитика *се*, независимо от своего морфологического статуса и функции, всегда занимает в общей цепочке клитик ту же позицию, что и энклитики вин. п., например:

(32) а. *Защо ми* (ДАТ) *се* (PCL-deriv.) *е* (3SG) *разсърдил*?

‘Почему он на меня рассердился?’

б. *Те си* (PCL-mod.) *се* (PCL-geripr.) *мразят*.

‘Они [по-прежнему] друг друга ненавидят’.

в. *Отдавна не съм* (1SG) *се* (ACC) *виждала такава*.

‘Я давно себя такой не видела’.

Омонимичные клитики *се* находятся в отношении дополнительной дистрибуции и совместно не встречаются. Доказательством этого являются желательные конструкции, где при употреблении как возвратного, так и невозвратного глагола эксплицируется лишь одно *се*: *Не ми се състезава с него* (при глаголе *reflexiva tantum състезавам се*) ‘Мне не хочется соревноваться с ним’. Ср. *Не ми се говори за това* (при глаголе *говоря*) ‘Мне не хочется говорить об этом’.

Таким образом, высокая степень грамматической омонимии, а также полисемия внутри формообразующих и словообразовательных употреблений поддерживается одинаковым синтаксическим поведением *се* как клитики при любой из ее функций.

2. Клитика *си*: морфологическая омонимия и полифункциональность

Проблема снятия многозначности и омонимии клитики *си* в болгарском предложении требует иных методов решения, чем для клитики *се*. В то время как выявление реципрокального и аргументного *си* возможно осуществить так же, как и для *се*, такой анализ недостаточен для выявления омонимии *си* в других ее употреблениях: как притяжательного местоимения (POSS) и как частицы с различными функциями: словообразовательной (PCL-deriv.), формообразующей (PCL-form.), модальной (PCL-mod.), интенсифицирующей (PCL-intens.). В этих случаях требуется обращение к синтаксическому поведению элемента: для различных омонимов дативной формы наблюдаются разные возможности и ограничения при их вхождении в цепочку других клитик. Более того, в болгарском языке возможно совместное использование в цепочке омонимичных *си*, но не более трех — с учетом и глагольного омонима (2SG)⁸:

(33) *Ти не си* (2SG) *ли*⁹ *си* (PCL-mod.) *си* (ДАТ) *купувала такива неща*?

‘Ты разве не покупала себе такие вещи?’

⁸ Глагольный омоним дативного *си* — глагол *съм* во 2 л. ед. ч. наст. вр., в том числе в составе формы перфекта и других перфектообразных форм. Глагольно-местоименная омонимия никогда не вызывает многозначности и в нашей статье специально не рассматривается.

⁹ В цепочке *си ли си си* хорошо иллюстрируется роль вопросительной частицы *ли* как селективного грамматического барьера для болгарских клитик [Циммерлинг 2012: 14, 26; Kosta, Zimmerling 2013].

Снятие омонимии и неоднозначности при различных употреблении элемента *си*, включая и совместное использование омонимичных клитик, мы будем осуществлять с помощью представления функционального и сочетаемостного потенциала этой клитики, а также ее специфического синтаксического поведения.

2.1. Функции клитики *си*

2.1.1. *Си* как аргументное местоимение

Клитика *си* в роли аргументного местоимения (ДАТ)¹⁰ выражает кореферентность между субъектом и непрямым (дательным) объектом. В предложении она выступает как краткая форма, соотносимая с полным возвратным местоимением дательного падежа *на* (реже *за*) *себе си* [Ницолова 2008: 157]. Ср. пример (34а) с кратким *си* и акцентированным *себе си* и пример (34б) с удвоенной формой при топиализации дополнения:

- (34) а. *Поръчай си* (ДАТ) *едно кафе*. — *Поръчах за себе си* (ДАТ) *кафе, а за детето — сок*.
‘Закажи себе кофе. — Я заказал себе кофе, а ребенку — сок’.
- б. *Ти на себе си* (ДАТ) *си* (2SG) *си* (ДАТ) *отговорила защо искаш да се омъжиш за него*.
букв. ‘Ты самой себе уже дала ответ, почему хочешь выйти за него замуж’.

Семантическая роль аргумента в позиции косвенного объекта — адресат или бенефициант:

- (35) а. *Казвам си това всеки ден*.
‘Я говорю себе это каждый день’.
- б. *Той си пожела успех*.
‘Он пожелал себе успеха’.
- в. *Той си купи нов костюм*.
‘Он купил себе новый костюм’.
- г. *Ти сам не си вярваш, а искаш аз да ти повярвам*.
‘Ты сам себе не веришь, а хочешь, чтобы я тебе поверил’.

2.1.2. *Си* как показатель реципрока

При реципроке *си* используется как в составе лексического реципрока, где является словообразовательной частицей (38), так и в составе реципрокальной конструкции (косвеннообъектного типа), где является формообразующей частицей, см. примеры (36—37). Реципрокальную форму получают такие глаголы, которые присоединяют аргументы с ролью адресата или бенефицианта, имеющие признак [+одушевленность]. Семантический компонент взаимовозвратности в значение этих глаголов не входит, но присоединение клитики *си* ведет к выражению взаимного значения (симметричных отношений между участниками).

- (36) а. *Приятелите не си завиждат*.
‘Друзья друг другу не завидуют’.
- б. *Съпрузите трябва да си вярват*.
‘Супруги должны друг другу верить’.

¹⁰ В отличие от *се*, возможность аргументного употребления клитики *си* в болгарской лингвистике признается единодушно; см. и содержательный обзор функций *си* в [Норман 1971].

При этой трансформации, как и при прямообъектных вариантах реципрока, невозможно использование глагола в ед. ч., или, иными словами, субъект всегда должен быть множественным, чтобы стала возможна перекрестная референция. Ср. (37) с примером (38), включающим реципрокальный глагол *съпернича си*, где допустимо ед. ч.:

- (37) *Петър и Стоян си помагат* (3PL).

‘Петр и Стоян помогают друг другу’ при **Петър си помага* (3SG) *със Стоян*.

- (38) *Петър и Стоян си* (PCL-deriv.) *съперничат*.

‘Петр и Стоян соперничают друг с другом’. — *Петър си съперничи* (3SG) *със Стоян* и *Стоян си съперничи* (3SG) *с Петър*.

Если глагол способен присоединять объектное рефлексивное дополнение¹¹, то во мн. ч. может наблюдаться синтаксическая двузначность — реципрок или косвенно-объектное употребление, см. и разбор подобных примеров в работах отечественных типологов [Недялков 2004: 367—372; Князев 2007: 261]:

- (39) а. *Да си пожелаем успех*.

‘Давайте пожелаем себе успеха’/‘Давайте пожелаем друг другу успеха’.

- б. *Родителите на изчезналите деца бяха отчаяни, но си даваха кураж*.

‘Родители пропавших детей были в отчаянии, но подбадривали себя/подбадривали друг друга’ (букв. ‘придавали смелости себе/друг другу’).

Такие двузначные употребления в речи нельзя назвать частотными. Для нейтрализации двусмысленности обычно используются лексические средства, например добавление реципрокального выражения *един на друг* ‘друг другу’ или *взаимно*, а для рефлексивного понимания вводится предложно-местоименная группа *на себе си*, ср. раскрытие обоих значений в следующем контексте:

- (39а’) *Да си пожелаем успех — всеки на себе си и един на друг*.

‘Давайте пожелаем успеха — каждый себе и друг другу’.

2.1.3. *Си* как притяжательное местоимение

Как было сказано выше, возвратная клитика *си* способна выступать как притяжательное местоимение (POSS). Как и все краткие притяжательные местоимения болгарского языка, она перемещается в рамках именного выражения по правилам клитик второй позиции (2P клитик):

- (40) *Разлях кафе върху [полата си]* ‘Я пролила кофе себе на юбку/на свою юбку’ → *Разлях кафе върху [новата си пола]* → *Разлях кафе върху [новата си бяла пола]* ‘Я пролила кофе на свою новую белую юбку’.

Характерной для болгарского языка является возможность перемещения посессивных клитик из области их порождения (DP) в предикатную группу (параметр, известный как подъем посессора, Possessor Raising [Schürcks, Wunderlich 2003; Cinque, Krapova 2009; Kosta, Zimmerling 2013; Zimmerling 2013]), см. и ниже 2.2.2. Вследствие этой операции клитика становится кластеризуемой:

- (41) *Тя не си ли харесва [новата t’ [рокля t]]*.

‘Ей разве не нравится ее новое платье?’

¹¹ Ср., например, иное в *Те си завиждат* ‘Они друг другу завидуют’, где трактовка только реципрокальная, так как семантика глагола исключает рефлексивное понимание.

2.1.4. *Си* как частица

В качестве частицы клитика *си* утрачивает свой статус автосемантической единицы, в результате чего не может занимать синтаксическую позицию в структуре предложения и быть его членом. Основная проблема снятия полисемии и омонимии здесь заключается в том, что а) даже некоторые присловные частицы могут включаться в общую цепочку клитик, создавая омонимию с аргументными и посессивными клитиками; б) частица *си* может быть использована в цепочке дважды в разных своих значениях. Однако, прежде чем обратиться к сложным случаям, перечислим основные реализации *си* как частицы.

2.1.4.1. *Си* как словообразовательная частица (PCL-deriv.). В этом употреблении *си* является частью глагольной лексемы, например *лягам си* ‘ложиться спать; укладываться спать’ (ср. *лягам* ‘ложиться’), *отивам си* ‘уходить’ (ср. *отивам* ‘идти’) и т. д. Соотносимые невозвратные глаголы могут и отсутствовать: **въобразявам* — *въобразявам си* (‘воображать’), **отяждам* — *отяждам си* (‘наедаться’), **отспивам* — *отспивам си* (‘высыпаться’). PCL-deriv. обладает слабой отделимостью (в понимании [Плунгян 2000: 33]), в результате чего может попадать в цепочку сенценциальных клитик:

- (42) *Легнала си* (PCL-mod.) *си* (PCL-deriv.) *е, утре ще ѝ кажа новината.*
‘Она уже, как обычно, легла спать, я эту новость утром ей скажу’.

2.1.4.2. *Си* как интенсифицирующая частица (PCL-intens.). *Си* может, во-первых, выступать как интенсификатор неопределенности — при неопределенных местоимениях (*някой си*, *някакъв си*) и наречиях (*някъде си*, *някак си*, *еди-кога си* и т. п.) [Андрейчин 1978: 299; Ницолова 1986: 172; Петрова 2008: 130—131]; в ряде грамматик эта функция признается словообразовательной [Грамматика 1983: 480; Куцаров 2007: 99]. К. Мирчев [1978: 191] склоняется к мысли об отглагольном происхождении этого *си*. Однако частая пейоративная окраска местоимений с таким *си*, их способность давать «прагматическую оценку референту» [Ницолова 2008: 203—204] свидетельствуют, на наш взгляд, о сохранении генетической связи этой клитики с ее исходной местоименной функцией. См. примеры (43а—б) ниже, где говорящий высказывает свое пренебрежительное отношение к референту, в том числе и известному.

Такое *си* функционирует как присловный элемент и не способно отрываться от опорного слова. Хотя соположение с омонимичными ему клитиками на уровне предложения возможно, этот контакт является формальным, так как присловное *си* не способно к кластеризации. Так, интенсификатор неопределенности *си* в примере (43а) расположен контактно с дативным местоимением, в (43б) — со словообразовательной частицей в составе лексемы *въобразявам си* (**въобразявам*) и в (43в) — со вспомогательным глаголом:

- (43) а. [*Някой си*] *си* (DAT) *е купил кола и ти му завиждаш.*
‘Кто-то там купил себе машину, и ты ему завидуешь’.
- б. [*Някой си*] *си* (PCL-deriv.) *въобразява, че е велик.*
‘Кое-кто вообразяет, что он великий’.
- в. [*Някак си*] *е* (3SG) *успял да се измъкне незабелязано.*
‘Как-то/Каким-то образом ему удалось незаметно выбраться’.

Во-вторых, при полных притяжательных местоимениях, а также при ряде прилагательных со значением собственности *си* выступает как интенсификатор посессивности: *моя си* (‘мой собственный’), *твоя си*, *неговия си*, *своя си*; *собствения си*, *родния си*, *личния си*. В таких случаях *си* является присловной частицей и остается в постпозиции к определению. Однако есть употребления, в которых можно усмотреть пропуск опорного посессивного определения и включение *си* в общую цепочку клитик. Так, предложение *Дай си* (PCL) *му* (DAT) *играчката* содержит частицу *си*, которая представляет собой, по мысли Й. Пенчева [1984: 82—83; 1998: 187—188], «след» устранения полной формы

притяжательного местоимения из рефлексивизированной притяжательной формы типа *неговата си*. Такое *си*, как видно из примера, способно кластеризоваться с местоименным дативом, располагаясь, как положено частицам по правилу рангов, перед ним:

- (44) *Дай му* (ДАТ) [*неговата си* (PCL-intens.)] *игрчка* ‘Дай ему [его **собственную**] игрушку’ → *Дай му неговата си игрчка* → *Дай си* (PCL-intens.) *му* (ДАТ) *игрчката*.

2.1.4.3. Модальная частица *си* (PCL-mod.). Частица *си*, особенно в разговорном языке, имеет и специфическое прилагательное употребление: она практически свободно может быть добавлена к разным типам предикатов, модифицируя значение всей фразы. В самом общем виде такое употребление определим как *модальное* (или *модифицирующее*). Наши наблюдения показывают, что привносимые нюансы не только разнообразны, но и склонны к наслоению и потому трудны для разграничения. Возможны случаи, при которых наличие модального *си* при одном и том же предикате подлежит разной интерпретации в зависимости от широкого контекста, см. ниже (52в), (53б) и др.

Вопрос о семантическом потенциале *си* как частицы с модальной функцией для болгарской лингвистики не является новым, но назвать его решенным нельзя. В болгаристике выделялись разнообразные оттенки значений, привносимых этой частицей: действие осуществляется несмотря на какие бы то ни было обстоятельства [Норман 1971: 185], «без учета интересов окружающих» [Станков 1982: 500], «по прихоти субъекта» [Ницолова 1986: 68]; *си* может подчеркивать обычность, неизменность, продолжительность действия при глаголах действия и состояния [Тагамлица 1971: 185—186], выражать оттенок интимности, приятности, удовольствия [Чолакова 1986: 10]. В данной работе мы опираемся на исследования Г. Петровой [2008: 118—140; 2012], где наиболее полно представлен семантический потенциал частицы *си* в модальной функции. В качестве основных семантических характеристик были выявлены следующие (далее в переводах эти смысловые добавления, вносимые модифицирующим *си*, подчеркнуты и/или перифразируются в скобках):

— продолжительность/неизменность какого-л. действия или состояния:

- (45) а. *Вали си*.
 ‘**Продолжает** идти [дождь, снег]’, ср. без частицы: *Вали* ‘Идет [дождь, снег]’.
 б. *Още ли ти е студено?* — *Студено си ми е*.
 ‘Тебе все еще холодно? — Холодно’ (‘**продолжает** быть холодно’).

— обычность, регулярность:

- (46) а. *Какво прави баба ти?* — *Седи си пред телевизора и гледа сериали*.
 ‘Что делает бабушка? — **Как всегда/как обычно**, сидит у телевизора и смотрит сериалы’.
 б. *По това време тя си е вкъщи*.
 ‘В это время она **обычно** дома’.

— «присущность»:

- (47) а. *Тя си е мълчалива*.
 ‘Она молчаливая’ (такова она по характеру), ср. без *си*: *Тя е мълчалива* ‘Она молчалива’ (в данный момент или таков ее характер).
 б. *Тези ябълки на киселяват*. — *Те са си такива*.
 ‘Эти яблоки слегка кислят. — Они такие **и есть**’ (такой сорт).
 в. *Виж как се е облякла!* — *Тя така си се облича*.
 ‘Смотри, как она оделась! — Она **всегда** так одевается’ (это присущий ей стиль).

— удовольствие/личная заинтересованность:

- (48) а. *Какво правите в момента?* — *Седим **си** на терасата, пием **си** кафето и гледаме морето.*
 ‘Что вы делаете сейчас? — Сидим **себе** на террасе, пьем кофе и смотрим на море [делаем это с удовольствием].’
- б. *Лежиш **си** на дивана, гледаш **си** мача и нищо друго не те интересува.*
 ‘Лежишь **себе** на диване, смотришь матч [доставляешь себе удовольствие], и ничто другое тебя не интересует’.

— опровержение утверждения или чьего-либо ожидания:

- (49) а. *Казаха ми, че Иванови отишли да живеят в столицата.* — *Не, тук са **си**.*
 ‘Мне сказали, что Ивановы переехали в столицу. — Нет, **ничего подобного**, они здесь’ (т. е. они вообще никуда не переезжали, речи об этом не было).
- б. *Чух, че тя била болна.* — *Не, добре **си** е.*
 ‘Я слышал, что она болела. — Да нет, с ней все в порядке’ (т. е. она вообще не была больна, все с ней в порядке — и раньше, и сейчас).

— субъективная обусловленность:

- (50) а. *Директора ли чакате?* → *А не, ние **си** чакаме.*
 ‘Вы директора ждете? — Да нет, **так**, ждем’ (‘ждем, но не директора’, причина ожидания субъективная, а не обычная для данной ситуации).
- б. *Той **си** е виновен за случилото се.*
 ‘Это он виноват в случившемся’ (подчеркивается, что случившееся не является случайным инцидентом, а субъективно обусловлено, например происходит из характера, из поведения X-а).

— элиминация субъективности (в высказываниях с оценочным или обобщающим значением):

- (51) а. *Това **си** е кражба на държавно имущество.*
 ‘Это (**есть**) **не что иное, как** кража государственного имущества’ (оценка подается не как субъективное мнение, а как что-то очевидное, бесспорное).
- б. *Трудно ми е да карам кола.* — *В началото **си** е трудно.*
 ‘Мне трудно водить машину. — Вначале **всем/всегда** трудно’.

Представленное функциональное и семантическое многообразие клитики *си*, а также, как мы покажем ниже, способность модального *си* легко комбинироваться с другими местоименными клитиками создают условия для морфологической непрозрачности кластеризуемых элементов. Далее выявим особенности синтаксического поведения указанных выше клитик (от)местоименного типа, связанные с их расстановкой, возможностями и ограничениями на их совместное употребление в цепочке. Это даст возможность снять омонимию или, по крайней мере, сузить ее область.

2.2. Синтаксис клитики *си*: правила кластеризации

Возможности и условия для соположения и дистрибуции (от)местоименных клитик следующие.

2.2.1. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с дательным местоимением (DAT)

При предикатах, открывающих позицию для местоимения дательного падежа (личного или возвратного), возможно употребление модальной частицы *си*, которая предшествует краткому дательному местоимению, т. е. последовательность такова: **PCL-mod.** > **DAT**. Такие предикаты могут быть непреходными (52а—б) или переходными (52в—г).

- (52) а. *Помагам му* (DAT) *по математика* ‘Я помогаю ему по математике’ → *Помагам си* (PCL-mod.) *му* (DAT) *по математика* ‘Я помогаю ему по математике’ (как всегда, как обычно)/‘Я по-прежнему помогаю ему по математике’ (продолжаю ему помогать)¹².
- б. *Този климат му* (DAT) *влие зле* ‘Этот климат влияет на него плохо’ → *Този климат си* (PCL-mod.) *му* (DAT) *влие зле* ‘Этот климат влияет на него плохо’ (и это очевидно, бесспорно).
- в. *Направих си* (DAT) *кафе* ‘Я сделал себе кофе’ → *Направих си* (PCL-mod.) *си* (DAT) *кафе* ‘Я сделал себе кофе’ (как обычно)/‘Я сделал себе кофе’ (для своего удовольствия, по своей прихоти).
- г. *Търся си* (DAT) *хубава чанта* ‘Я ищу себе красивую сумку’ → *Търся си* (PCL-mod.) *си* (DAT) *хубава чанта*. ‘Я ищу себе красивую сумку’ (давно/продолжаю искать).

2.2.2. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с притяжательным местоимением (POSS)

Эта комбинация становится возможной как следствие перемещения притяжательной клитики в предикатную группу. Данное явление наблюдается как при переходных (двухместных) глаголах (53а—б), так и при дитранзитивных, открывающих позиции для дативных и аккузативных дополнений (53в—г). Это движение возможно, только если место датива свободно, ср. иное в (54б) ниже. Необходимо, однако, и еще одно условие: существительное в прямообъектной позиции должно быть маркировано признаком [+def], т. к. в болгарском языке притяжательная интерпретация местоимения исключается при неопределенной именной группе (как в примерах 52в—г). Модальная частица *си* предшествует притяжательной клитике, т. е. последовательность такова: **PCL-mod.** > **POSS**.

- (53) а. *Пие си* (POSS) [*кафето т*] *с мед* ‘Она пьет кофе с медом’ → *Пие си* (PCL-mod.) *си* (POSS) [*кафето т*] *с мед* ‘Она пьет кофе с медом’ (и это обычная практика, связанная с личными предпочтениями).
- б. *Разглеждам ти* (POSS) [*снимките т*] ‘Я разглядываю твои фотографии’ → *Разглеждам си* (PCL-mod.) *ти* (POSS) [*снимките т*] ‘Я разглядываю твои фотографии’ (продолжаю разглядывать/делаю это с удовольствием, с интересом).
- в. *Нося си* (POSS) [*лекарствата т*] *за сърце* ‘Я ношу с собой/свои сердечные лекарства’ → *Нося си* (PCL-mod.) *си* (POSS) [*лекарствата т*] *за сърце* ‘Я ношу с собой/свои сердечные лекарства’ (так я всегда делаю).
- г. *Тя е болна, на легло е, затова аз ѝ* (POSS) *нося [изследванията т] в поликлиниката* ‘Она больна, не встает с кровати, поэтому я ношу ее анализы в поликлинику’ → *Тя е болна, на легло е, затова аз си* (PCL-mod.) *ѝ* (POSS) *нося [изследванията т] в поликлиниката* ‘...продолжаю носить/давно ношу’.

¹² Как мы видим, здесь (и далее) возможны разные интерпретации модальной частицы *си*, которые не снимаются в данных (достаточно узких) контекстах. Каждая интерпретация отражена в предлагаемых вариантах перевода.

В примерах (53а—б) глагол — переходный, и движение клитики вне определенной именной группы происходит беспрепятственно, поскольку место датива в цепочке свободно. Глаголы из примеров (53в—г) дитранзитивные, они открывают место и для дательного дополнения (*нося нешто на някого*), которое, однако, остается невыраженным, и перемещенная посессивная клитика располагается на этом месте.

При дитранзитивных глаголах (в зависимости от выраженности или отсутствия дательного дополнения) часты случаи двоякого толкования — посессивного или аргументного. Так, предложение (54) *Чета му стиховете* может означать (54') 'Я читаю ему стихи' или (54'') 'Я читаю его стихи'. В каждом из этих случаев возможна кластеризация с модальным *си*, которая эту омонимию не снимает:

(54') *Чета му* (DAT) *стиховете* → *Чета си* (PCL-mod.) *му* (DAT) *стиховете*.
'Я читаю ему стихи' (как всегда, как обычно).

(54'') *Чета му* (POSS) *стиховете* → *Чета си* (PCL-mod.) *му* (POSS) *стиховете*.
'Я читаю его стихи' (как обычно/делаю это с удовольствием).'

Неоднозначность устраняется эксплицированием обеих клитик в позиции их базового порождения, например:

(54) а. *Чета му* (DAT) *стиховете си* (POSS).
'Я читаю ему свои стихи'.

Механизм подъема посессора блокируется, если место датива уже занято местоименной клитикой. Это, таким образом, является причиной невозможности соположения аргументной и притяжательной клитик, ср. (54а) с (54б):

(54) б. **Чета му* (DAT) *си* (POSS) *стиховете*.

2.2.3. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) со словообразовательной частицей *си* (PCL-deriv.)

Словообразовательная частица *си*, являясь кластеризуемой клитикой, занимает место отсутствующей дательной клитики (ячейка 4 в таблице). В случае добавления во фразу модального *си* последнее, будучи модальной частицей, располагается по правилу рангов в ячейке 3, т. е. последовательность такова: PCL-mod. > PCL-deriv.:

(55) *Тя си* (PCL-deriv.) *е въобрази*, *че я подслушват* 'Она вообразила, что ее подслушивают' → *Тя си* (PCL-mod.) *си* (PCL-deriv.) *е въобрази*, *че я подслушват* 'Она вообразила, что ее подслушивают' (и это ее состояние продолжается уже какое-то время).

2.2.4. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с кратким местоимением винительного падежа (ACC)

Контактная позиция модального *си* и аргументной клитики винительного падежа (личной или возвратной) возможна при переходных глаголах. В цепочке клитик последовательность такова: PCL-mod. > ACC.

(56) а. *Тя ме* (ACC) *мрази* 'Она меня ненавидит' → *Тя си* (PCL-mod.) *ме* (ACC) *мрази* 'Она меня ненавидит' (давно/продолжает ненавидеть/по своим личным мотивам).

б. *Той се* (ACC) *подценява* 'Он себя недооценивает' → *Той си* (PCL-mod.) *се* (ACC) *подценява* 'Он себя недооценивает' (это присущая ему черта характера).

2.2.5. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) со словообразовательной частицей *се* (PCL-deriv.)

Словообразовательная частица *се* занимает позицию после модального *си*, таким образом, последовательность такова: **PCL-mod.** > **PCL-deriv.**, например:

- (57) а. *Тя се* (PCL-deriv.) *безпокои за децата* ‘Она беспокоится за детей’ → *Тя си* (PCL-mod.) *се* (PCL-deriv.) *безпокои за децата, когато излизат вечер с приятели* ‘Она [как и всегда] беспокоится за детей, когда они уходят гулять вечером с друзьями’.
- б. *Тя се* (PCL-deriv.) *страхува от тъмнината* ‘Она боится темноты’ → *Тя си* (PCL-mod.) *се* (PCL-deriv.) *страхува от тъмнината* ‘Она боится темноты (это ей присуще/все еще продолжает испытывать страх)’.

2.2.6. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с формообразующими частицами (PCL-form.)

Кластеризация этих двух разновидностей частиц встречается в форме субъектного имперсонала (58а), а также допустима при формах реципрока с частицей *се* (326) и *си* (586). Последовательность — **PCL-mod.** > **PCL-form.**, например:

- (58) а. *Тук се* (PCL-form.) *спи приятно* ‘Здесь приятно спать’ → *Тук си* (PCL-mod.) *се* (PCL-form.) *спи приятно* ‘Здесь приятно спать’ (несомненно, бесспорно).
- б. *Те си* (PCL-form.) *помагат един на друг* ‘Они помогают друг другу’ → *Те са приятели и си* (PCL-mod.) *си* (PCL-form.) *помагат* ‘Они друзья и друг другу помогают’ (продолжают помогать/как всегда).

2.2.7. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с эмотивно-прагматической частицей *ми* (PCL-dat.eth.)

Возможна, хотя и редко, кластеризация модальной частицы с прагматической частицей *dativus ethicus* *ми*, с помощью которой говорящий выражает свое одобрение, восхищение, симпатию участнику ситуации. Последовательность — **PCL-mod.** > **PCL-dat.eth.**, например:

- (59) *Майстор ми* (PCL-dat.eth.) *е мой!* ‘Он у меня большой мастер!’ → *Майстор си* (PCL-mod.) *ми* (PCL-dat.eth.) *е мой!* ‘Он у меня большой мастер!’ (и это бесспорно, очевидно).

В других случаях употребления PCL-dat.eth. [Иванова, Петрова 2014] соположение с модальной частицей *си* не наблюдается.

2.2.8. Кластеризация двух модальных частиц *си* (PCL-mod.)

В разговорной речи и особенно в интернет-общении иногда встречается соположение двух модальных частиц, ведущее к наслоению двух модальных оттенков (**PCL-mod.₁** > **PCL-mod.₂**). Это возможно лишь тогда, когда место клитики дательного падежа свободно:

- (60) а. *Ходя на фитнес* ‘Я занимаюсь фитнесом’ → *Ходя си* (PCL-mod.₁) *на фитнес* ‘Я занимаюсь фитнесом’ (продолжаю ходить на фитнес₁) → *Ходя си* (PCL-mod.₁) *си* (PCL-mod.₂) *на фитнес* ‘Я занимаюсь фитнесом’ (продолжаю ходить₁ + делаю это с удовольствием₂).
- б. *Тя е нагла* ‘Она наглая’ → *Тя си* (PCL-mod.₁) *е нагла* ‘Она наглая’ (это присущая ей черта характера₁) → *Тя си* (PCL-mod.₁) *си* (PCL-mod.₂) *е нагла* ‘Она наглая’ (это присущая ей черта характера₁ + несомненно, она такова₂), ср. русск. *Вот уж действительно наглая так наглая*.

Возможно, в таблице двойное модальное *си* допустимо было бы отражать в виде записи $PCL-mod._1$ и $PCL-mod._2$ в разных ячейках (3 и 4), однако такое дублирование обычно не фиксируется в табличных записях. Заметим также, что не всегда можно однозначно указать, которое из значений *си* следует первым или вторым, а в некоторых случаях дополнительное модальное *си* лишь подчеркивает семантику имеющегося $PCL-mod._1$.

- (61) *Стои на ъгъла* ‘Стоит на углу’ → *Стои си* ($PCL-mod._1$) *на ъгъла* ‘Стоит **все еще** на углу’ / ‘**Продолжает** стоять’ → *Стои си* ($PCL-mod._1$) *си* ($PCL-mod._2$) *на ъгъла* ‘Продолжает стоять на углу (ситуация длится **очень долго**)’.

Как мы видим, клитика *си* способна к кластеризации, выступая в качестве: возвратно-личного местоимения; притяжательного местоимения после перемещения из определенной именной группы; частицы с формообразующей, словообразовательной, модальной, реже — с интенсифицирующей функцией. Модальное *си* в цепочке клитик занимает позицию перед местоимением в форме датива и может комбинироваться со следующими клитиками: дательным местоимением (личным или возвратно-личным), кратким притяжательным местоимением, словообразовательной частицей *си*, реципрокальной частицей *си*, *dativus ethicus ми* и модальной частицей *си* с другим значением. Помимо модальной частицы *си*, ту же позицию (ячейку в таблице) может занимать и *си* — интенсификатор посессивности. Если позиция местоимения дательного падежа свободна, модальное *си* способно комбинироваться с клитиками ячейки 5 — местоимением в винительном падеже (личным или возвратным) или с частицей *се* (словообразовательной или формообразующей).

Анализ омонимичных употреблений *си* показывает, что, выступая в качестве частицы, клитика *си* сохраняет в большей или меньшей степени осязаемую генетическую связь с возвратным местоимением. Даже в функции интенсификатора при неопределенных местоимениях частица *си* особым образом соотносена с одним из участников ситуации, указывая на его прагматическую оценку.

Заключение

В ходе эволюции болгарского языка возвратные клитики *се* и *си* претерпели различные морфологические трансформации и расширили сферы своего употребления. В этом плане они представляют собой интересный, но трудный объект изучения, поскольку при исследовании их функциональной специфики и сочетаемостного потенциала пересекаются морфологические, синтаксические, семантические и прагматические факторы. Это, в свою очередь, обусловило необходимость применения, с одной стороны, формального подхода, ориентированного на структуру фразы, на позицию элементов в ней и установление зависимостей между ними, и, с другой стороны, — функционального подхода, включающего роль контекстной обусловленности и прагматических факторов.

В данной работе мы попытались представить весь функциональный спектр и сочетаемостный потенциал клитик *се* и *си* и выявить их различный морфологический статус при разных употреблениях, а также показать варианты семантической нагруженности возвратных элементов и семантические различия между омонимичными сочетаниями. Опора на предикатно-аргументную структуру предложения позволила дифференцировать омонимичные приглагольные употребления данных клитик и прояснить случаи синтаксической многозначности.

Другой вопрос, представляющий интерес для формального описания языков, касается включения (от)местоименных клитик в цепочку, их расстановки и возможностей совместного употребления. Кластеризуемыми являются: возвратно-личные местоимения *се* и *си*; *се* и *си* как формообразующие и словообразовательные частицы; притяжательное местоимение *си* после операции «подъем посессора» (при соблюдении некоторых условий), — эти клитики помещаются в ячейки дательного и винительного падежей, которые могут содержать лишь по одному элементу в каждой позиции независимо от их морфологического и функционального статуса. Особое место в цепочке отводится модальной частице *си*: при

наличии в кластере дативного элемента она располагается перед ним, таким образом, максимальное число (от)местоименных клитик в цепочке — три.

Представленный анализ морфологического и функционального статуса клитик *се* и *си* при их различных употреблении и при комбинированном использовании с другими клитиками может быть полезен для сопоставительных и типологических исследований, в практике преподавания болгарского как иностранного и для решения переводческих задач.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3	— 1-е, 2-е, 3-е лицо	PCL-deriv.	— словообразовательная частица
ACC	— винительный падеж; местоименная клитика в аккузативе	PCL-form.	— формообразующая частица
DAT	— дательный падеж; местоименная клитика в дативе	PCL-intens.	— интенсифицирующая частица
DEF	— определенность	PCL-mod.	— модальная частица
PCL	— частица	PCL-recipr.	— частица с реципрокальным значением
PCL-dat.eth.	— частица <i>dativus ethicus</i>	PL	— множественное число
		POSS	— посессивная клитика
		SG	— единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андрейчин 1958 — Андрейчин Л. Энклитични притежателни местоимения в българския език // Бешевлиев В., Георгиев В. (ред.). Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишнината му. София: Изд-во на БАН, 1958. С. 199—200. [Andreichin L. Enclitic possessive pronouns in Bulgarian. *Izsledvaniya v chest na akad. Dimităr Dechev po sluchai 80-godishninata mu*. Beshevliev V., Georgiev V. (eds.). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1958. Pp. 199—200.]
- Андрейчин 1978 — Андрейчин Л. Основна българска граматика. София: Наука и изкуство, 1978. [Andreichin L. *Osnovna bălgarska gramatika* [Basic Bulgarian grammar]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1978.]
- Апресян 2005 — Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3—28. [Apresjan Yu. D. On the Moscow Semantic School. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. No. 1. Pp. 3—28.]
- Арнаудова 2013 — Арнаудова О. Яркость и контраст в говоримия български език: лява дислокация на топика и контрастни топик-фокус вериги // Коева С., Кръпова И. (съст.). Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 239—262. [Arnaudova O. Intensity and contrast in colloquial Bulgarian: Left topic dislocation and contrast topic-focus chains. *Novi izsledvaniya po generativen sintaksis na bălgarskiya ezik*. Koeva S., Krăpova I. (comp.). Sofia: Prof. Marin Drinov Academic Publ., 2013. Pp. 239—262.]
- БТР 2008 — Андрейчин Л. и др. Български тълковен речник / Попов Д. (доп. и прер.). София: Наука и изкуство, 2008. [Andreichin L. et al. *Bălgarski tălkoven rechnik* [Bulgarian explanatory dictionary] Popov D. (rev. and corr.). Sofia: Nauka i Izkustvo, 2008.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the Russian grammar)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1997.]
- Влахова-Руйкова 2009 — Влахова-Руйкова Р. Практическа граматика. Български език. София: ПОНС България ЕООД, 2009. [Vlakhova-Ruikova R. *Prakticheska gramatika. Bălgarski ezik* [The practical grammar. Bulgarian]. Sofia: PONS Bălgariya EOOD, 2009.]
- Генюшене, Недялков 1991 — Генюшене Э. Ш., Недялков В. П. Типология рефлексивных конструкций // Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 241—276. [Genyushene E. Sh., Nedyalkov V. P. A typology of reflexive constructions. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991. Pp. 241—276.]
- Георгиев 1990 — Георгиев И. Безличные предложения в русском и болгарском языках. София: Народна просвета, 1990. [Georgiev I. *Bezlichnye predlozheniya v ruskom i bolgarskom yazykakh* [Impersonal sentences in Russian and Bulgarian]. Sofia: Narodna Prosveta, 1990.]
- Градинарова 2007 — Градинарова А. А. Болгарский субъектный имперсонал и его русские функциональные соответствия // Acta Linguistica. 2007. Vol. I. No. 1. С. 41—54. [Gradinarova A. A. The

- Bulgarian impersonal subject and its Russian functional equivalents. *Acta Linguistica*. 2007. Vol. I. No. 1. Pp. 41—54. Available at: <http://www.actalinguistica.com/arhiv/index.php/als/article/viewFile/101/89>.]
- Граматика 1983 — Стоянов С. (гл. ред.). Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2: Морфология. София: Изд-во на БАН, 1983. [Stoyanov S. (ed.). *Gramatika na sâvremenniya bălgarski knzhoven ezik*. T. 2: *Morfologiya* [The grammar of Modern Literary Bulgarian. Vol. 2. Morphology]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1983.]
- Гълъбов 1986 — Гълъбов И. Към въпроса за българските енклитики // Гълъбов Г. Избрани трудове по езикознание. София: Наука и изкуство, 1986. С. 266—281. [Gălăbov I. Bulgarian enclitics revisited. *Izbrani trudove po ezikoznanie*. Gălăbov G. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1986. Pp. 266—281.]
- Димитрова 2009 — Димитрова М. Залог и диатеза: функциониране на залогови форми в текст // Станков В. (съст.), Викторова К. (ред.). Българско езикознание. Т. 5: Проблеми на граматичната система на българския език — глагол. София: Академично изд-во «Проф. М. Дринов», 2009. С. 278—303. [Dimitrova M. Voice and diathesis: Functioning of voice forms in the text. *Bălgarsko ezikoznanie*. Vol. 5: *Problemi na gramatichnata sistema na bălgarskiya ezik — glagol*. Stankov V. (comp.), Viktorova K. (ed.). Sofia: Prof. M. Drinov Academic Publ., 2009. Pp. 278—303.]
- Димитрова 2015 — Димитрова М. Оптативните конструкции в съвременния български език: свобода и ограничения в образуването им // Български език. 2015. Кн. 3. С. 25—37. [Dimitrova M. Optative constructions in Modern Bulgarian: Freedom and restrictions in their formation. *Bălgarski ezik*. 2015. Book 3. Pp. 25—37.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enclitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Иванов, Слабакова 2013 — Иванов И., Слабакова Р. Удвояването на допълнението с клитики при изучаващите български като втори език — изследване на Хипотезата за интерфейсите // Коева С., Кръпова И. (съст.). Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 209—238. [Ivanov I., Slabakova R. Duplication of the object with clitics in Bulgarian second language learners — a study of the interface hypothesis. *Novi izsledvaniya po generativen sintaksis na bălgarskiya ezik*. Koeva S., Krăpova I. (comp.). Sofia: Prof. Marin Drinov Academic Publ., 2013. Pp. 209—238.]
- Иванова, Градинарова 2015 — Иванова Е. Ю., Градинарова А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Ivanova E. Yu., Gradinarova A. A. *Sintaksicheskaya sistema bolgarskogo yazyka na fone russkogo* [The syntactic system of Bulgarian against the background of Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Иванова, Петрова 2014 — Иванова Е. Ю., Петрова Г. М. Кластеризация местоименных клитик в форме датива: допуски и ограничения в болгарском языке (с македонскими и сербскими параллелями) // Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. М.: МГТУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 58—75. [Ivanova E. Yu., Petrova G. M. Clustering of pronominal clitics in the form of Dative: Limits and restrictions in Bulgarian (with Macedonian and Serbian parallels). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2014»*. Lyutikova E. A., Tsimmerling A. V., Konoshenko M. B. (eds.). No. 1. Moscow: Sholokhov Moscow State Univ. for the Humanities, 2014. Pp. 58—75.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics: The Russian language in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007.]
- Коева 1995 — Коева С. Семантична и синтактична интерпретация на реципрочните изречения // Български език. 1995. Кн. 1/2. С. 160—163. [Koeva S. Semantic and syntactic interpretation of reciprocal sentences. *Bălgarski ezik*. 1995. Vol. 1/2. Pp. 160—163.]
- Коева 2004 — Коева С. Семантично и синтактично описание на диатезите в българския език // Пенчев Й. и др. (ред.). Българско езикознание. Т. 4: Когнитивна граматика на българския и френския език — описание и формализация. София: Изд-во на БАН, 2004. С. 182—231. [Koeva S. Semantic and syntactic description of diathesis in Bulgarian. *Bălgarsko ezikoznanie*. Vol. 4: *Kognitivna gramatika na bălgarskiya i franskiya ezik — opisane i formalizatsiya*. Penchev I. et al. (eds.). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 2004. Pp. 182—231.]
- Коева 2006 — Коева С. Синтактични редувания в български — диатези и алтернации // Български език. 2006. Кн. 4. С. 19—32. [Koeva S. Syntactic alternations in Bulgarian — diathesis and alternations. *Bălgarski ezik*. 2006. Vol. 4. Pp. 19—32.]

- Куцаров 1997 — Куцаров И. Лекции по българска морфология. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 1997. [Kutsarov I. *Leksii po bălgarska morfologiya* [Lectures on Bulgarian morphology]. Plovdiv: Paisii Khilendarski Univ. Publ., 1997.]
- Куцаров 2007 — Куцаров И. Теоретична граматика на българския език: Морфология. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2007. [Kutsarov I. *Teoretichna gramatika na bălgarskiya ezik: Morfologiya* [Theoretical Bulgarian grammar: Morphology]. Plovdiv: Paisii Khilendarski Univ. Publ., 2007.]
- Летучий 2006 — Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2006. [Letuchiy A. B. *Tipologiya labil'nykh glagolov: semanticheskie i morfosintaksicheskie aspekty. Kand. diss.* [A typology of labile verbs: Semantic and morphosyntactic aspects]. Cand. diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2006.]
- Летучий 2014а — Летучий А. Б. Возвратность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014. [Letuchiy A. B. *Vozvratnost'. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Reflexiveness. Materials for the project of corpus description of the Russian grammar] (<http://rusgram.ru>). Manuscript. Moscow, 2014.]
- Летучий 2014б — Летучий А. Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы // Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. X. Ч. 3. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filiodedicata*. СПб.: Наука, 2014. С. 365—395. [Letuchiy A. B. Between passive and decausative: Russian modal passives. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Vol. X. Part 3. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filiodedicata*. Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 365—395.]
- Минчева 1964 — Минчева А. Развој на дателния притежателен падеж в българския език. София: Изд-во на БАН, 1964. [Mincheva A. *Razvoi na datelniya pritezhatelen padezh v bălgarskiya ezik* [Evolution of the dative possessive case in Bulgarian]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1964.]
- Мирчев 1978 — Мирчев К. Историческа граматика на българския език. III изд. София: Наука и изкуство, 1978. [Mirchev K. *Istorigheska gramatika na bălgarskiya ezik* [A historical grammar of the Bulgarian language]. 3rd ed. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1978.]
- Митковска 2011 — Митковска Л. Македонските се-конструкции и нивните еквиваленти во англискиот јазик: Когнитивна студија. Скопје: Македонска реч, 2011. [Mitkovska L. *Makedonskite se-konstruktsii i nivnite ekvivalenti vo angliskiot jazik: Kognitivna studija* [Macedonian se-constructions and their equivalents in English: A cognitive study]. Skopje: Makedonska Rech, 2011.]
- Мишеска Томиќ 2008 — Мишеска Томиќ О. Македонските клитики во балканското окружение. Скопје: Македонска Академија на науките и уметностите, 2008. [Misheska Tomik O. *Makedonskite klitiki vo balkanskoto okruzhenie* [Macedonian clitics in Balkan environment]. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 2008.]
- Наймушин 2001 — Наймушин Б. Залог и преходност (върху материал от българския, руския и английския език) // Съпоставително езикознание. 2001. № 2. С. 5—13. [Naimushin B. Voice and transitivity (based on the material of the Bulgarian, Russian, and English languages). *Săpostavitelno ezikoznanie*. 2001. No. 2. Pp. 5—13.]
- Недялков 2004 — Недялков В. П. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) // Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. ст. М.: Знак, 2004. С. 315—393. [Nedyalkov V. P. Notes on the typology of the expression of reciprocal and reflexive meanings (in the aspect of polysemy of reciprocal markers). *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole: A collection of articles*. Khrakovskij V. S., Mal'chukov A. L., Dmitrenko S. Yu. (eds.). Moscow: Znak, 2004. Pp. 315—393.]
- Ницолова 1986 — Ницолова Р. Българските местоимения. София: Наука и изкуство, 1986. [Nitsolova R. *Bălgarskite mestoimeniya* [Bulgarian pronouns]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1986.]
- Ницолова 2008 — Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2008. [Nitsolova R. *Bălgarska gramatika. Morfologiya* [The Bulgarian grammar. Morphology]. Sofia: St. Clement of Ochrid Univ. Publ., 2008.]
- Ницолова 2011 — Ницолова Р. Една нова концепция за залога на глагола в българския език // Бояджиев Т., Попова В., Алексова К. (съст.). Научни трудове в памет на Георги Герджиков. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2011. С. 207—222. [Nitsolova R. A new approach to verbal voice in Bulgarian. *Nauchni trudove v pamet na Georgi Gerdzhikov*. Boyadzhiev T., Popova V., Aleksova K. (comp.). Sofia: St. Clement of Ochrid Univ. Publ., 2011. Pp. 207—222.]

- Норман 1971 — Норман Б. Ю. Функции элемента *си* в глагольных конструкциях болгарского языка // Супрун А. Я., Камароўскі Я. М., Карабань І. А. (ред.). Лінгвістычныя даследаванні. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт імя У. І. Леніна, 1971. С. 179—193. [Norman B. Yu. Functions of *si* element in Bulgarian verbal structures. *Lingvistychnyya dasledavanni*. Suprun A. Ya., Kamaroŭskiy Ya. M., Karaban' I. A. (eds.). Minsk: V. I. Lenin Belorussian State Univ., 1971. Pp. 179—193.]
- Норман 1972 — Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность (на материале болгарского и других славянских языков). Минск: Изд-во БГУ, 1972. [Norman B. Yu. *Perekhodnost', zalog, vozvratnost' (na materiale bolgarskogo i drugih slavyanskikh yazykov)* [Transitivity, voice, reflexiveness (based on the material of Bulgarian and other Slavic languages)]. Minsk: Belorussian State Univ. Publ., 1972.]
- Норман 2004 — Норман Б. Ю. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования // Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. ст. М.: Знак, 2004. С. 394—406. [Norman B. Yu. Reflexive verbal neologisms in Russian and syntactic prerequisites of their formation. *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole: A collection of articles*. Xrakovskij V. S., Mal'chukov A. L., Dmitrenko S. Yu. (eds.). Moscow: Znak, 2004. Pp. 394—406.]
- Падучева 2001 — Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52—79. [Paducheva E. V. The causative verb and decausative in Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2001. No. 1. Pp. 52—79.]
- Пашов 1999 — Пашов П. Българска граматика. София: Хермес, 1999. [Pashov P. *Bălgarska gramatika* [The Bulgarian grammar]. Sofia: Khemes, 1999.]
- Пенчев 1984 — Пенчев Й. Строеж на българското изречение. София: Наука и изкуство, 1984. [Penchev I. *Stroezh na bălgarskoto izrechenie* [The Bulgarian sentence structure]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1984.]
- Пенчев 1995 — Пенчев Й. Функции на форманта *се/си* в съвременния български език // Български език. 1995. № 5/6. С. 404—418. [Penchev I. Functions of *se/si* formant in the Modern Bulgarian language. *Bălgarski ezik*. 1995. No. 5/6. Pp. 404—418.]
- Пенчев 1996 — Пенчев Й. Реципрочни конструкции в български език // Списание на БАН. 1996. № 4. С. 30—35. [Penchev I. Reciprocal constructions in Bulgarian. *Spisanie na BAN*. 1996. No. 4. Pp. 30—35.]
- Пенчев 1998 — Пенчев Й. Синтаксис на съвременния български език. Пловдив: Неделник, 1998. [Penchev I. *Sintaksis na săvremenniya bălgarski ezik* [The syntax of the Modern Bulgarian language]. Plovdiv: Nedelnik, 1998.]
- Пенчев 2001 — Пенчев Й. Едносъставни изречения // Коева С. (съст.). Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: Пловдивско университетско изд-во, 2001. С. 86—93. [Penchev I. Mononuclear sentences. *Săvremenni lingvistichni teorii: Pomagalo po sintaksis*. Koeva S. (comp.). Plovdiv: Plovdivsko Universitetsko Izd-vo, 2001. Pp. 86—93.]
- Петрова 2006 — Петрова Г. Семантични роли на кратките дателни местоимения. Бургас: Димант, 2006. [Petrova G. *Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya* [Semantic roles of short dative pronouns]. Burgas: Dimant, 2006.]
- Петрова 2008 — Петрова Г. Функции на клитиките *се* и *си* в съвременния български език. Бургас: Димант, 2008. [Petrova G. *Funktsii na klitikite se i si v săvremenniya bălgarski ezik* [Functions of clitics *se* and *si* in Modern Bulgarian]. Burgas: Dimant, 2008.]
- Петрова 2012 — Петрова Г. За употребата на *си* като частица с модална функция // Парзулова М., Цанков К. (съст.). Езикът и културата в съвременния свят. Велико Търново: Фабер, 2012. С. 361—367. [Petrova G. On the use of *si* as a particle with modal function. *Ezikăt i kulturata v săvremenniya svyat*. Parzulova M., Tsankov K. (comp.). Veliko Tărnovo: Faber, 2012. Pp. 361—367.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira: Uchebnoe posobie* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Пупынин 1991 — Пупынин Ю. А. Активность/пассивность во взаимосвязях с другими функционально-семантическими полями // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 211—239. [Pupynin Yu. A. Activeness / passiveness in interrelations with other functional-semantic fields. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost', Zalogovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991. Pp. 211—239.]

- Станков 1982 — Станков В. За дателните местоименни клитики в българския език // Български език. 1982. Кн. 6. С. 494—502. [Stankov V. On dative pronominal clitics in Bulgarian. *Bălgarski ezik*. 1982. Vol. 6. Pp. 494—502.]
- Тагамлишка 1971 — Тагамлишка Г. Частицата *си* в съвременния български език // Известия на Института за български език. 1971. Кн. XIX. С. 177—187. [Tagamlitska G. The particle *si* in the modern Bulgarian language. *Izvestiya na Instituta za bălgarski ezik*. 1971. Vol. XIX. Pp. 177—187.]
- Храковский 1991 — Храковский В. С. Пассивные конструкции // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 141—180. [Xrakovskij V. S. Passive constructions. *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalagovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991. Pp. 141—180.]
- Храковский 2004 — Храковский В. С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы — испытание временем) // Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. ст. М.: Знак, 2004. С. 505—519. [Xrakovskij V. S. A theory of diatheses and voices (initial hypotheses — the test of time). *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole: A collection of articles*. Xrakovskij V. S., Mal'chukov A. L., Dmitrenko S. Yu. (eds.). Moscow: Znak, 2004. Pp. 505—519.]
- Цанков 1995 — Цанков К. Глаголи и глаголни форми с възвратен елемент в съвременния български книжовен език. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1995. [Tsankov K. *Glagoli i glagolni formi s vǎzvraten element v sǎvremenniya bălgarski knizhoven ezik* [Verbs and verbal forms with a reflexive element in the Modern Literary Bulgarian language]. Sofia: St Kliment Ohridski University Press, 1995.]
- Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 3—37. [Zimmerling A. V. Word-order systems in Slavic languages. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 5. Pp. 3—37.]
- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Zimmerling A. V. *Sistemy poryadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte* [Word-order systems of Slavic languages in the typological aspect]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Чолакова 1986 — Чолакова К. Глаголни лексеми с двучленна формална структура (глагол + *си*) и лексикографски проблеми // Чолакова К. (ред.). Въпроси на съвременната българска лексикология. София: Изд-во на БАН, 1986. С. 7—22. [Cholakova K. Verbal lexemes with binominal formal structure (verb + *si*) and lexicographical problems. *Vǎprosi na sǎvremennata bălgarska leksikologiya*. Cholakova K. (ed.). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1986. Pp. 7—22.]
- Cinque, Krapova 2009 — Cinque G., Krapova I. The two possessor raising constructions of Bulgarian. *A Linguist's Linguist. Studies in South Slavic linguistics in honor of E. Wayles Browne*. Franks S., Chidambaram V., Joseph J. (eds.). Bloomington (IN): Slavica, 2009. Pp. 149—166.
- Ivanova 2014 — Ivanova E. Yu. Reflexive-with-Dative construction in Russian and Bulgarian. *ICELAIC 2014: Proceedings of the International conference on education, language, art and intercultural communication*. Howard D., Volodina T., Zhang Y., Green R. (eds.). Paris: Atlantis Press, 2014. Pp. 427—431.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The middle voice*. Amsterdam: Benjamins, 1993.
- Koeva 1998 — Koeva S. Reflexive, passive, optative, reciprocal, and impersonal verbs in Bulgarian. *Научни трудове на Пловдивския университет — Филология*, 1998. Pp. 133—145.
- Koeva 2007 — Koeva S. Bulgarian alternations — lexicon or grammar? *Southern Journal of Linguistics*. 2007. Vol. 29. Pp. 77—106.
- Koeva 2008 — Koeva S. Semantic nature of diatheses. *Studia kognitywne = Etudes cognitives*. 2008. Vol. 8. Pp. 71—95.
- Kosta, Zimmerling 2013 — Kosta P., Zimmerling A. Slavic clitic systems in a typological perspective. *The nominal structure in Slavic and beyond*. Schürcks L., Etxeberria U., Giannakidou A., Kosta P. (eds.). (Studies in Generative Grammar 116). Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Pp. 441—490.
- Schürcks, Wunderlich 2003 — Schürcks L., Wunderlich D. Determiner-possessor relation in the Bulgarian DP. *From NP to DP. Vol. 2: The expression of possession in Noun Phrases*. Coene M., D'hulst Y. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2003. Pp. 121—139.
- Zimmerling 2013 — Zimmerling A. Possessor Raising and Slavic clitics. *Contemporary studies in Slavic linguistics*. Kor Chahine I. (ed.). (Studies in language companion series 146). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 43—60.